

Измена командарма Жданова

Среди бывших офицеров-генштабистов уровня командующих фронтами и армиями в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. было не так много людей, которые открыто изменили большевикам. Даже в работе такого крупного отечественного военного историка, как А. Г. Кавтарадзе, упоминались лишь имена Б. П. Богословского, Н. Д. Всеволодова и Ф. Е. Махина¹. Как оказалось, это список неполон. Новые архивные изыскания позволили расширить имеющиеся представления по этому вопросу.

В фонде судебно-следственной комиссии при штабе главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР; Ф. Р-447), отложившемся в Государственном архиве Российской Федерации, мне посчастливилось обнаружить следственное дело о службе в РККА и переходе на сторону белых бывшего Генштаба генерал-майора Николая Александровича Жданова, проливающее свет на прежде неизвестные страницы истории Гражданской войны. В сочетании с другими документами и материалами обнаруженные свидетельства, возможно, приоткрывают завесу тайны над еще одной страницей деятельности антибольшевистского подполья в рядах Красной армии.

Начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии 23 августа (5 сентября) 1919 г.² в городе Нежине составил рапорт начальнику штаба V кавалерийского корпуса ВСЮР: «Препровождая при сем бывшего генерал-майора Жданова, командовавшего XI-й советской армией, доношу, что назначенный Жданов 20 августа³ сего года добровольно явился к начальнику Бахмачского отряда полковнику Грязнову, предупредив последнего о своем приезде телеграммой со станции Плиски и привезя с собой ординарца-солдата Григория Потапова, жену и 2 детей»⁴. При себе Жданов имел 102 000 советских рублей, наличие которых он объяснял стремлением нанести вред Советской власти⁵. Важный перебежчик был опрошен о состоянии частей РККА, действовавших против Чернигова.

25 августа (7 сентября) 1919 г. начальник штаба полтавского отряда Генштаба полковник Г. А. Эверт телеграфировал дежурному генералу штаба главнокомандующего ВСЮР из Киева: «По приказанию командующего отрядом генерала Бредова при сем препровождаю перебежавших в районе Бахмача бывшего начдива 2-й Сводн[ой] советской дивизии бывшего генерала Жданова

Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

с ординарцем-красноармейцем Григорием Потаповым и женой при 2-х детях. Жена и дети арестованными не считаются»⁶.

В этих документах шла речь о Генерального штаба генерал-майоре Николае Александровиче Жданове, выпускнике Николаевской академии Генерального штаба 1903 г. В РККА он числился пропавшим без вести при отступлении от Киева⁷. Вообще отход РККА с Украины летом 1919 г. сопровождался массовыми переходами генштабистов на сторону белых⁸, однако среди перебежчиков Жданов был, несомненно, одним из наиболее высокопоставленных и важных.

Ценного перебежчика срочно доставили в Полтаву в штаб V-го кавалерийского корпуса белых, а 24 августа (6 сентября) его предписано было отправить в распоряжение начальника штаба 7-й пехотной дивизии для дальнейшего направления в распоряжение дежурного генерала Ставки Деникина. Еще 22 августа (4 сентября) 1919 г. Жданов сообщил белому командованию важные сведения о состоянии РККА и о подготовке обороны базы 12-й армии – города Гомеля⁹. На следствии Жданов также представил схему района Гомель–Чернигов. Впрочем, нет данных о том, использовалась ли она белыми для оперативной работы или была необходима только для расследования действий Жданова (генерал одновременно подготовил для следствия аналогичную схему района Астрахани, которая на момент ее составления осенью 1919 г. устарела)¹⁰. В пояснении к схеме, составленном в Ростове 8 (21) сентября 1919 г., Жданов отметил: «1) Задача дивизии, данная 12ой армией: прикрывать Гомельское направление и взять Бахмач; 2) На позиции у Хор[ошего] озера: 1 1/2 роты, 2 орудия и 1 брон[евик]. Остальные на ст. Круты, кроме казаков, которые 300 шашек южнее Хор[ошего] озера, а один взвод к северу. 3) Показано три группы войск: северную, ст. Круты и Нежинскую (к югу стояло несколько рот: 2 в Монастырище и одна на мосту между ст. Круты и Ичня). Положение дивизии показано к моменту моего прибытия – 13 августа 1919. 4) С цифрами I, II, III подлежащие выдворению по моему приказанию две заставы и казачий дивизион (III) (для обозначения наступления). Казаки (III) не пошли, долго собирались и наткнулись к югу от Хорошего озера на противника, что окончательно (14 авг[уста]) меня убедило о начале наступления (надо было вызвать Нежинский гарнизон – конную бригаду, но я этого намеренно не сделал). 5) [обозначен] мой путь побега.

Итак, по сведениям в Бахмаче началось сосредоточение для наступления, почему надо было немедленно захватить Бахмач до полного сосредоточения противника, дабы разбить его по частям. Я от этого отказался, хотя командарм Семенов указал взять Бахмач. Я не хотел победы красных, но что-нибудь делать должен был и потому велел выдвинуть сильные заставы (I и II) и казаков послал в Ичню (III), т. е. совершалась подготовка наступления широким фронтом, чем больше раскидывались войска и без того разбросанные. Итак, я отказался от наступления вопреки приказа армии и обстановке. Но ничего не сделал и для

обороны ст. Круты, а затем и гор. Нежина, не тронул с места гарнизоны Нежина и ст. Британы, не использовал бригаду Первакова и много неиспорченного жел[езно]дорожного состава¹¹. Держа войска в 3 группах, обрекал их на разбитие по частям. Бежал под утро 17го, когда о взятии Киева не было слышно, равно не было ничего слышно об успехах генерала Мамонтова»¹². Интересно, что 1 (14) сентября 1919 г. знаменитый казачий генерал К. К. Мамантов, находясь в своем рейде по красным тылам, ходатайствовал о назначении Жданова в свое распоряжение¹³, видимо, как специалиста по Красной армии.

30 августа командующий 12-й армии приказал Жданову поддерживать связь с соседями¹⁴. Также незадолго до своего бегства Жданов получил приказ командарма взять город Бахмач, где сосредотачивались силы противника¹⁵. Жданов этот приказ не исполнил. На допросе он подробно изложил свои последние распоряжения перед побегом и обстоятельства бегства от красных: «Фактически я прокомандовал дивизией 2 дня. 14 августа¹⁶ я знал, что в Бахмаче собираются войска (переодетые офицерами шпионы и подслушивание разговоров по телефонам). О готовящемся наступлении в армию не донес, а как видно из захваченного мною приказа по дивизии (той же дивизией – 2 кавалерийской (белых. – А.Г.) видно, что я делал распоряжения для наступления широким фронтом, т. е. не сосредотачивал войска к ст. Круты, куда ожидался удар. Не в моей выгоде было, чтобы предстоящий бой был выигран, ибо во время суматохи я и хотел скрыться. Грубо обрисовывая положение войск командуемой мной советской дивизии, получим, что войска стояли в трех группах: северная 400 штыков, 800 шашек и 4 орудия. Гарнизон ст. Круты и для позиции у Хорошего озера (впереди) до 700 шт., 300 казаков, 5 орудий и 2 броневика и гарнизон г. Нежина и его ближайших окрестностей – 350 штыков и конная бригада 3 тысячи шашек и 4 орудия. В общем пехота и казаки были плохи, регулярная конница и конная артиллерия удовлетворительные. Последняя группа являлась естественным резервом, а я ее не притянул в Круты, где было настоящее место резерва (6 верст от Хорошего озера, где была позиция), а оставил в 23 верстах, т. е. давал бить себя по частям. Перешедший со мной ординарец Потапов видел, когда мы проезжали Нежин бригаду в районе пригорода.

Оставляя действительный резерв в Нежине, я ослабил боевую часть (у Хорошего озера), ибо выделил из нее резерв на ст. Круты, дабы на позиции было мало бойцов. Резерв же оставил на станции, да еще в вагонах, ибо ясно, как будет обстрел, эшелоны унесутся и распространят панику сзади. Так и случилось. Ст. Круты (узел дорог) и гор. Нежин¹⁷ сданы без боя, ибо все из них бежало. Маленький бой был близ Сухого озера между 2 броневиками и советский погиб. Все сдано одному (Добровольческому) доблестному броневика. Убежден, что на ст. Круты и в г. Нежин у добровольцев потерь не было. Мой быстрый отъезд тоже вносил панику. Ни в Крутах, ни в Нежине, ни в Носовке я бежать не мог, –

был окружен. Бежал ночью из с. Мрин, пройдя советские патрули, чем подвергал себя и жену смертельной опасности. Со мной бежал солдат Потапов, который здесь со мной. Я бежал добровольно...»¹⁸.

16 (29) сентября Жданов дал дополнительное показание в связи с падением Нежина. В документе он отметил: «Значение потери для красных гор. Нежина подтверждается настоящими упорными боями в его районе, почему неорганизация мною его обороны для них вредна. Когда я был в Бахмаче 19, 20 и 21 августа¹⁹, в это время Крапивянский²⁰ (его отряд включался в Нежинский гарнизон) делал на Нежин нападение и даже временно ворвался в него. Я полагаю, что эта данная говорит, что в Нежине были части, которые могли оказать сопротивление – конная бригада, как указал ранее и отряд Крапивянского. Полагаю, что о нападении Крапивянского сведения есть в Таганроге в развед. отд. Эти же бои подтверждают и верность моих показаний (приложены к делу), что красные будут отбивать участок ж.д. Москва–Киев»²¹.

Белые допросили и спутников Жданова – супругу и ординарца. 8 (21) сентября 1919 г. в Ростове-на-Дону был допрошен Григорий Никитич Потапов, 24 лет, крестьянин деревни Рясника Карачевского уезда Орловской губернии. В своих показаниях Потапов сообщил: «С генералом Ждановым я встретился таким образом: Я в Киеве служил ординарцем в штабе XII армии. Когда генерал Жданов получил командование дивизией, то он взял меня к себе. Как-то генерал обратился ко мне с предложением уйти от красных, на что я и согласился, т. к. мне не нравилась служба у большевиков. В Крутах начался бой и часть эшелонов была отправлена одна в Чернигов, другая – в Нежин, отступали в панике. Я с одним из эшелонов отправился вместе с генералом в Нежин. Отсюда мы отправились в деревню Мрин, где наняли подводу и стали двигаться по направлению к Добровольческой армии. Нас несколько раз останавливали патрули, которые предупреждали, что мы едем к неприятелю, а генерал им на это сказал, что там еще влево дорога, где мы и свернем. Патрули состояли из латышей. Таким образом мы и пробрались сюда. Знаю, что генерал всей душой ненавидит большевиков»²².

Показания 20-летней жены генерала Александры Александровны Ждановой, данные в тот же день, содержали уже известные читателю сведения²³.

Сам Жданов на суде в декабре 1919 г. показал: «28 июля я уехал в Киев и стал собирать сведения как лучше бежать из Киева. 13 августа²⁴ я получил назначение командовать 2ой Сводной советской дивизией, моя задача была взять Бахмач, я открыл путь на Киев и сдавши Круты, Нежин и ст. Носовку без боя, отвел войска, производя в них панику. А из деревни Мрин в ночь на 17 августа²⁵ бежал и явился к начальнику Бахмутского гарнизона»²⁶.

По данным на июль 1919 г. жалование бывшего командарма Жданова составляло 3500 руб.²⁷

Генерал Жданов (21.12.1867–1928?) происходил из семьи потомственного дворянина Тульской губернии, окончил Орловский Бахтина кадетский корпус (1887), 3-е военное Александровское училище по 1-му разряду (1889), 2 класса Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1903). Жданов был настоящим героем, боевым офицером, прошедшим русско-японскую и Первую мировую войны, четырежды раненным и контуженным, награжденным орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием²⁸, а также, по нуждающимся в проверке данным, и солдатским Георгиевским крестом 4-й степени²⁹. Ко времени большевистского переворота он служил начальником 121-й пехотной дивизии, причем остался в этой должности и по выборному началу 3 января 1918 г.³⁰

Сохранилось описание целого ряда подвигов, совершенных Ждановым в 1915 г., которое характеризует личные качества офицера: «В ночь с 20 на 21 апреля 1915 года полковник Жданов с четырьмя ротами вверенного ему 43-го Сибирского стрелкового полка и команды пеших и конных разведчиков того же полка при поддержке 1-й батареи 11-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, лично под огнем неприятеля, руководя их действиями, несмотря на упорное сопротивление немцев и ураганный огонь их артиллерии, с боя захватил укрепленный пункт неприятельской позиции – ф. Помяны и закрепил его окончательно за собой, отбивая как в эту ночь, так и в течение трех следующих дней, 21, 22 и 23 апреля огнем и штыками многочисленные яростные контратаки немцев, пытавшихся превосходными силами выбить нас из занятого фольварка и нанося им огромные потери (на поле сражения осталось до 1000 немецких трупов), благодаря чему линия позиции 11-й Сибирской стрелковой дивизии выпрямилась и значительно сократилась в своем протяжении. С таким же успехом полковник Жданов отражал и дальнейшие попытки немцев выбить нас из фольварка Помяны, причем 29 Мая, когда немцы, разбив по ф. Помяны и д. Лысаково интенсивный артиллерийский огонь из 18–20 тяжелых орудий и, выпустив по этим пунктам свыше 1000 снарядов, повели решительное наступление силою свыше двух батальонов, полковник Жданов отбил 7 немецких атак и удержал ф. Помяны в своих руках³¹. Во время этого последнего боя был тяжело контужен в голову артиллерийским снарядом, но остался в строю (ч. III, от. 2, ст. 112, п. 1)³².

В бою 30 июня 1915 года, занимая своим полком в составе 3 ³/₄ батальона, 1-й батареи 11-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады и взвода 1-й отдельной Сибирской мортирной батареи позицию Мховко–Ольшевец протяжением почти 6 верст, полковник Жданов, расположив свои роты с тонким тактическим пониманием, умело и своевременно высылая свой частный резерв, лично под ураганным огнем неприятельской артиллерии³³ направляя роты, несмотря на прорыв немцев на всем фронте левофлангового соседа – 41-го Сибирского

стрелкового полка и полное уничтожение 1 батальона своего полка, стойко держался на своей позиции до получения приказа об отходе, отражая многочисленные атаки немцев, наступавших на его участок силою не менее дивизии, что дало возможность подойти из резерва 1-му Сибирскому стрелковому полку и 2 батальонам 8-го Туркестанского полка, обеспечило левый фланг 2 Сибирской стрелковой дивизии и позволило 11-й Сибирской стрелковой дивизии восстановить свой фронт на второй укрепленной позиции Обромб, Хайново, Чернице – Борове, Лысаково. Обходя и лично устраивая роты на новой позиции под действительным огнем противника, полковник Жданов был ранен осколком гранаты в ногу навывлет, после чего был эвакуирован (ч. III, отд. 2, ст. 112, п. 6).

В бою 4 сентября 1915 года, получив приказание выступить с вверенным ему 43-м Сибирским стрелковым полком, составлявшим корпусный резерв, из д. Вербилки для обеспечения прорыва на фронте 1-й Сибирской стрелковой дивизии и 1-й Туркестанской стрелковой бригады, когда противник угрожал охватом с флангов и выходом в тыл 1-му Сибирскому и 1-му Туркестанскому корпусам, полковник Жданов, развернувшись на ходу под артиллерийским огнем неприятеля и рассыпав роты в цепь, во главе своего полка быстро занял впереди лежащий хребет между опушками леса по обе стороны ф. Поправы и огнем и стремительным движением вперед заставил отойти немцев, успевших уже близко подойти к гребню хребта, а затем, получив в свое распоряжение и 42-й Сибирский стрелковый полк, перейдя в короткое наступление, дал возможность частям 1-й Туркестанской стрелковой бригады и 1-й Сибирской стрелковой дивизии благополучно отойти на новые позиции, выведя свои фланги из-под удара. Получив вечером того же дня приказание занять весь участок 11-й Сибирской стрелковой дивизии с целью прикрыть отход ее на новую позицию, полковник Жданов до 3 часов ночи оставался на своей позиции, отбивая ружейным и пулеметным огнем наступление немцев в превосходных силах, чем обеспечил спокойный и благополучный отход частей 11-й Сибирской стрелковой дивизии (ч. III, отд. 2, ст. 112, п. 6).

[Рукописная приписка:] Вышеприведенные подвиги дают право полковнику Жданову на награждение его Георгиевским оружием согласно п.п. 1, 6 ст. 112. Георг. Статута. Вр. командующий дивизией генерал-майор Козловский»³⁴.

В итоге Георгиевским оружием Н. А. Жданов был награжден за отличие во время командования 43-м Сибирским стрелковым полком, по официальной формулировке «за то, что в бою 4 сентября 1915 года, будучи вызван с полком из резерва, для отражения неприятельского прорыва фронта нашей передовой позиции у фольв. Поправа, быстро развернулся, под сильным и действительным артиллерийским огнем противника, двинулся вперед и остановил прорываю-

щихся немцев. Затем, руководя под губительным огнем отбитием настойчивых атак противника, дал возможность нашим войскам спокойно отойти на новые позиции (ст. 112 п. 6)»³⁵.

Последующие подвиги Жданова описаны в представлении к ордену Св. Станислава 1-й степени с мечами: «За отличные разведки позиций противника, произведенные лично генерал-майором Ждановым и непосредственное деятельное участие его в подготовке операции 21-го декабря 1916 года; за составленный на основании его личных разведок и принятый для исполнения план боя того же 21 декабря; за содействие мне по управлению частями дивизии во время самого боя, давшего богатые трофеи, прорыв сильно укрепленных позиций противника и овладение выгодным тактическим положением, — ходатайствую о награждении генерал-майора Жданова, — особенно, как раненого 2 класса, работавшего при самых трудных обстоятельствах, — орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами. Командующий 65 пех[отной] дивизией генерал-майор Троцкий. “24” февраля 1917 г.»³⁶.

По аттестации, данной Жданову 10 октября 1917 г. командиром XXXVII армейского корпуса Генштаба генерал-лейтенантом М. А. Сулькевичем, он «за 2-х месячное командование 121-й дивизией проявил себя энергичным, знающим начальником. Подвижной, часто посещает войска в окопах, давая дельные указания, в чем убедился лично, обходя с ним боевые участки дивизии. Совместная работа с войсковыми организациями налажена. Хороший. По недавнему принятию дивизии нуждается еще в практике командования и подлежит оставлению в занимаемой должности»³⁷.

Если верить показаниям Жданова, на службе у красных он оказался совершенно случайно, причем при драматических обстоятельствах. С приходом к власти большевиков Жданов подал рапорт об отставке, но корпусной и дивизионный комитеты рапорта не приняли³⁸. Пришлось дослуживать до демобилизации. Будучи начальником 121-й пехотной дивизии, он 22 февраля 1918 г. попал в плен к немцам при отступлении под городом Люцином Витебской губернии. В условиях стремительного немецкого наступления тогда нередко происходили пленения представителей высшего командного состава утратившей боеспособность русской армии.

Для характеристики положения вещей в те дни показательна телеграмма вр. и. д. начальника штаба Минского военного округа бывшего Генштаба полковника Н. В. Соллогуба штабу армий Западного фронта от 21 февраля 1918 г.: «Ввиду приближения к г. Минску германских частей, перерыва связи со Ставкой и со всеми штабами, невозможности восстановить связь и невозможности при создавшихся условиях эвакуировать управления штаба фронта в тыл, приказываю теперь же прекратить все занятия во всех управлениях штаба фронта и всем служащим при первой же возможности одиночным порядком

выехать из Минска, имея сборным пунктом г. Москву. Всех служащих штаба фронта считать уволенными от военной службы и продолжающими работу в штабе на условиях вольнонаемного труда, с выплатой им содержания по полученному в январе с.г. размеру. Прекращая работу штаба фронта, считаю своим долгом от лица службы благодарить всех чинов штаба за отличную и самоотверженную работу, особенно за последние три месяца»³⁹.

По собственному признанию Жданова перед белыми, в апреле 1918 г. (реально, возможно ранее) Жданов совершил удачный побег из плена (из Белостока). Однако в начале 1918 г. находиться на своей территории, по которой бродили ни кому не подчинявшиеся вооруженные солдатские банды, бывшему генералу было рискованнее, чем на вражеской. Сколько офицеров в то время стали жертвами самосудов и бандитизма в точности неизвестно.

По версии Жданова, при бегстве из плена он был захвачен «бандой», как называл это формирование на следствии сам генерал, А. И. Ремнева под Севском (в изложении Жданова это было весомым аргументом в пользу того, что он не ехал к большевикам). Однако, как удалось установить по другим источникам, попаданию к красным предшествовал эпизод, о котором Жданов не рассказывал белым. Об этом стало известно, благодаря двум любопытным документам. Так, генерал фигурировал (как украинец, мало знающий украинский язык) в составленном к 24 мая 1918 г. списке офицеров Генштаба до полковников включительно, которые еще не назначены на должности в украинской армии⁴⁰. Кроме того, он значился как генеральный хорунжий в общем списке офицеров Генштаба украинской державы по данным к 21 ноября 1918 г. В списке было по-прежнему указано, что он мало знает украинский язык, но является украинцем. Указано, что генерал знал французский и немецкий языки и проживал в Изяславе в доме Ждановой, при этом занимал пост командира бригады 13-й дивизии (бывшая 42-я пехотная дивизия русской армии, дислоцировалась в Харькове и Изюме)⁴¹. Эти данные были зарегистрированы 12 мая 1918 г. Сопоставление двух списков демонстрирует идентичность данных о генерале, однако в первом списке указано, что данные представлены по состоянию не на 12 мая, а на 12 апреля 1918 г. Вторая дата, в отличие от первой, вполне укладывается в логику событий. Скорее всего, генерал бежал из плена, но не к красным, а на малую родину в город Изяслав Волынской губернии, где он родился. Здесь Жданов, по всей видимости, номинально поступил на украинскую службу и получил назначение в дивизию, располагавшуюся далеко от его родных мест. Поехал ли он к месту назначения, неизвестно. Известно лишь, что затем Жданов занимал пост помощника начальника 13-й пехотной дивизии⁴². Имеются сведения об увольнении его с этой должности приказом военного министра от 12 ноября 1918 г. как не явившегося к месту службы⁴³. По всей видимости, генерал лишь числился на этом посту.

Наличие «украинского» эпизода в биографии Жданова свидетельствует о том, что под Севском он оказался не по пути из плена. Возможно, отправиться в Россию его толкнула германская оккупация Украины в апреле 1918 г. и опасения за то, что немцы припомнят ему недавний побег. В показаниях осени 1919 г. Жданов отмечал плохое отношение украинцев к великороссам как причину того, что он не бежал на Украину из РККА в мае–июне 1918 г.⁴⁴ Еще одной причиной был неусыпный контроль комиссара, который, если верить тому, что Жданов рассказывал белым, жил и ездил с ним в одном вагоне. Наконец, на демаркационной линии Жданова знали в лицо, а вернуться к немцам, от которых он не так давно бежал, Жданов не мог.

Военный руководитель Западного участка отрядов завесы В. Н. Егорьев считал отряды Ремнева, к которому попал Жданов, разложившимися⁴⁵. Речь шла об одном из первых советских формирований, входивших в состав войск завесы. Возможно, поэтому генерал, попав к Ремневу, не только не пострадал (хотя, с его слов, бандиты собирались его повесить⁴⁶), но даже был отправлен к своему коллеге по Генштабу военруку Брянского района завесы бывшему генералу П. П. Сытину. П. П. Сытин направил Жданова к Егорьеву, который взял Жданова на учет.

27 апреля 1918 г. Жданов получил назначение военруком Курского района и выезжал в Курск вечером 29 апреля из Алексина Сызрано-Вяземской железной дороги⁴⁷. Но, как оказалось, в Курск ранее был назначен другой генштабист – бывший полковник В. П. Глаголев. Тогда Егорьев доверил Жданову пост военного руководителя Оршанской группы (отряда) со штабом между Оршей и Смоленском на станции Красное в 40 верстах восточнее Орши. На этой станции в апреле 1918 г. Жданов повстречал свою будущую вторую супругу Александру Александровну (осенью 1919 г. ей было лишь 20 лет), с которой впервые познакомился еще в 1914 г. Почему-то белые в приговоре отметили, что Жданов красными был мобилизован, хотя, по имеющимся данным, поступил на службу в РККА добровольно. На своем посту бывший генерал пробыл около двух месяцев. Комиссарами при Жданове значились Богданов и А. Горшков, затем последнего сменил комиссар Бурле⁴⁸. После этого Жданов был назначен начальником 1-й Могилевской дивизии, став одним из первых советских начдивов⁴⁹ (в показаниях он об этом не упоминал).

Оснований любить большевиков у бывшего генерала не было. В результате революции он остался без средств – его имущество оказалось разграблено, процентные бумаги аннулированы⁵⁰, кроме того был расстрелян брат жены Жданова, захваченный в Ставке генерала Н. Н. Духонина осенью 1917 г.⁵¹

Еще 1 июля 1918 г. Жданов был вызван в Москву, где остался при окружном комиссариате. По всей видимости, первоначально временно, а затем и на постоянной основе. «Ввиду крайней нервности», Жданов не позднее 13 июля

1918 г. был снят Егорьевым с должности начдива и временно заменен начальником штаба дивизии бывшим Генштаба подполковником И. Е. Поливановым⁵². Егорьев, видимо, не ожидал, что Жданов после такой аттестации пойдет на повышение. Между тем новое назначение нашего героя военным руководителем Московского военного округа не заставило себя ждать.

Высокое назначение Жданова вызвало недовольство отстранившего его ранее Егорьева, который даже жаловался 7 июля 1918 г. во Всероссийский главный штаб с копией в Высший военный совет. Вместо Жданова он предлагал назначить на этот пост С. С. Каменева, которого считал первоклассным работником и добавлял: «На фронте – это лучший работник. Лично мне потерять его очень тяжело, но я не страдаю провинциализмом в вопросах СЕРЬЕЗНОГО улучшения ОБЩЕГО положения»⁵³.

Однако Егорьев на этом не успокоился и 8 августа 1918 г. телеграфировал военному руководителю Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевичу: «Неоднократно словесно [и] письменно я докладывал, что назначение [, а] также перемещение старших начальников фронта без моего ведома, тем более вопреки моим протестам лишает меня последней возможности управлять фронтом, кроме того вносит такой подрыв моего авторитета, что уже были неоднократные случаи [со] стороны некоторых начдивов полного несчитания (так в документе. – А.Г.) [с] моими приказами. После чрезвычайно вредного для Оршанской дивизии и всех дивизий, расположенных [на] территории Мос[ковского] округа, назначения Жданова военруком московским вы обещали мне установить [в] вопросе перемещения старших начальников фронта надлежащий порядок. Между тем, приказом наркомвоен 605 Свечин назначен начглавштабом, Сытин – военруксмолом⁵⁴. Эти назначения ясно доказывают, что наркомвоен совершенно не считается [с] моими докладами, не столько [в] смысле личного [ко] мне уважения, сколько [с] условиями, только при наличии коих я могу продолжать нести ответственность [за] жизнь [и] работу фронта. [В] данном случае назначение Свечина признаю отвечающим пользе службы, но освободить его обязанности могу не раньше, как [по] прибытии заместителя, сим последним из начдивов фронта могу назначить лишь Каменева при условии, [что] его начштаб Коленковский будет назначен начдивом Витебской. Назначение Сытина прошу немедленно отменить, Сытин едва управляется [со] второй Орловской дивизией и Вам известно, что я уже возбуждал вопрос [об] отчислении его даже [с] его настоящей должности. Назначение его [в] Смоленск, когда там надо пока руководить 4 дивизиями ему не под силу и принесет такой вред службе, что для меня явится невозможным нести дальнейшую ответственность за этот район. Прошу Вас или настоять [на] немедленной отмене назначения Сытина или освободить меня, как я прошу уже пятый раз [от] исполнения моей должности, ибо и без того трудные условия управления фронтом [с] назначением мне помощников,

могущих внести только путаницу [в] это управление, делают его для меня абсолютно непосильным. После всех моих докладов Вам [и] [Н.М.]Потапову приказ 605 считаю открытым предложением мне уйти немедленно. Уверен, что на сей раз ни Вы лично, ни вышвоенсовет⁵⁵ не станете меня удерживать, ибо это было бы не только персональным насилием надо мной, но практически вредным [для] препорученного мне дела. Привыкши отдавать все силы ума и воли общественному делу, я в то же время привык находить нравственную поддержку не только [в] доверии, но и [в] уважении высших инстанций и определенно лишенный ныне их я могу дать только заурядную работу без сердца и увлечения. Работа же требуется титаническая. [Из] известных мне лиц меня могут заместить [С.С.] Каменев, [К.К.] Баиов, начдив Калужской [А.В.] Новиков. По увольнении меня [в] отставку даю слово не служить [в] иностранных армиях, [в] том числе [в] Украинской, Донской, Сибирской против Российской Советской республики, также не принимать активного [или] пассивного участия против основ существующего [в] сей республике порядка. 196/ Егорьев»⁵⁶.

Сам Жданов, если верить его показаниям, не держался за новый ответственный пост, пытался уволиться по болезни, но этого ему не позволили. Бежать из Москвы он не мог, поскольку был ранен и болел. После этого он якобы и вступил на путь саботажа⁵⁷. Жданов помог бежать из Москвы профессору С.М. Рудневу, у которого снимал две комнаты (в дальнейшем Руднев обосновался на белом юге, в Одессе), оказал содействие поручику Шкурину, который смог уехать в Саратов ближе к линии фронта, помог бежать и своему племяннику бывшему штабс-капитану Василию Васильевичу Жданову, которого снабдил деньгами и одеждой⁵⁸.

Официально Жданов числился военнообязанным согласно приказа Московского окружного комиссариата по военным делам № 1437 от 28 ноября 1918 г., а состоял на военной службе в комиссариате с 15 декабря 1918 г.⁵⁹

По свидетельству Жданова, служба в Московском округе была нелегкой. Комиссар и командующий войсками Московского военного округа Н.И. Муралов не доверял генштабистам. Все поручения по оперативным делам давал бывший прапорщик-большевик Краузе, а также помощники Муралова Струков и Е.М. Ярославский. Наряду со Ждановым еще одним консультантом был выпускник ускоренных курсов Военной академии Б.М. Черниговский-Сокол (впоследствии также перешел на сторону белых)⁶⁰. Сам Жданов якобы пытался держаться пассивно, лишь присутствовал при докладах и отвечал на вопросы общими фразами. Среди выполнявшихся им поручений Жданов почему-то указал и формирование осенью 1918 г. унтер-офицерского батальона⁶¹.

Жданов отмечал, что «не служить не мог – был на учете военнообязанным и нечем было содержать семью и детей от первой жены. Да и самому измученному войной (я с начала и до конца), пленом, побегом (я причислен ко 2 классу

раненых) черный труд был не под силу. Служить же в гражданских учреждениях не дали – я был на учете»⁶². В отставку и отпуск Жданов тогда уйти не мог, т. к. его не отпускал Муралов, установивший, по мнению Жданова, в Московском военном округе настоящую диктатуру. Бежать из Москвы также было невозможно. По мнению Жданова, в случае поимки при побеге, его и жену большевики бы замучили⁶³. Как свидетельствовал перебежчик, в Московском округе служило много генштабистов. Он привел фамилии десяти человек только из штаба округа⁶⁴. При этом Жданов отмечал, что большевикам «за совесть» не служил» и всячески уклонялся от командирования на фронт против белых, «не желая драться со своими»⁶⁵.

В конце 1918 г. Жданову было дано ответственное задание сформировать 1-ю Московскую кавалерийскую дивизию в качестве военрука (военного руководителя). Специалистом Генштаба для дивизии предназначался курсовик П. П. Слицкоухов⁶⁶. Однако Жданов, если верить его показаниям, преднамеренно формировал дивизию около полугода, после чего, так и не доформировав, уехал на фронт⁶⁷. Свидетели подтверждали длительность формирования⁶⁸. Затягивал Жданов и порученное ему формирование унтер-офицерского батальона.

В ноябре 1918 г. при отступлении 11-й и 12-й советских армий на Кавказе главком И. И. Вацетис и начальник Всероссийского главного штаба Н. И. Ратэль командировали Жданова в Астрахань, однако генштабист сказался больным, в результате чего командировка была отложена до начала 1919 г. В конце 1918 г. Жданов действительно значился военруком Московской дивизии, готовившейся к переброске на фронт⁶⁹. Документы подтверждают наличие ходатайства в декабре 1918 г. об оставлении его военруком⁷⁰.

При этом Жданов показал, что «офицеров Генерального штаба у большевиков много, все, кто в занимаемой ими территории, служат. Пример: в окр[ужном] Моск[овском] комиссариате одновременно были: генералы – Жданов (я), Грипшинский, Кабалов, Таубе, Хвошинский, полковники – Новиков, Войтына, шт[абс]-капитаны – Пирог (здесь и далее фамилии подчеркнуты красным карандашом, видимо, представителями следствия. – А.Г.) и еще один (фамилия, кажется, Пани⁷¹) и в мураловском опер[ативном] управлении Черниговский-Сокол, всего 10 чел[овек]»⁷².

Белые, проводя дознание по поводу службы Жданова у красных, допросили свидетелей, находившихся в Москве в 1918 г. Один из них, бывший генерал-майор В. П. Гололобов, учившийся вместе со Ждановым в кадетском корпусе, показал, что в сентябре 1918 г. «был поражен, увидев, что генерал Жданов занимается в маленькой комнатке, вместе со своими секретарями и письмоводителями. Генерал не имел даже письменного стола, а занимался на простом деревянном столе. На какую-либо роскошь не было и намека. Из разговора со Ждановым я убедился, что он тяготился службою большевикам, ругал их и их

порядки в присутствии своей канцелярии. Видно было, что у него были все свои люди. Зайдя затем к нему на квартиру, я увидел, что он сильно нуждается, живет в 2^х комнатах и без прислуги. Генерал и генеральша все делали сами, так при мне... был поставлен самовар»⁷³. Сам Жданов также показывал, что «нуждался, ибо жить было не на что (подчеркнуто Ждановым. – А.Г.). Имение, деньги и вещи в сейфе пропали. Приданое жены при обыске раскрадено (после расстрела большевиками брата жены, захваченного в Ставке генерала Духонина)»⁷⁴.

37-летний инженер П.-Э. Д. Экис, ранее арестовывавшийся МЧК, 22 сентября (5 октября) 1919 г. показал, что Жданов, находясь на службе в Москве, действительно держал себя пассивно, и на совещании у Муралова отмалчивался⁷⁵. Показания Экиса почти один в один совпали с тем, что рассказывал белым следователям сам Жданов, что не может не ставить под вопрос их достоверность.

32-летний поручик С. А. Войтына, служивший у красных в инженерном управлении Московского военного округа, а позднее оказавшийся на белом юге, также показал, что в Москве, по его впечатлению, Жданов служил подневольно. Войтына вспоминал 18 сентября (1 октября) 1919 г. в Ростове-на-Дону: «У меня с первых же дней знакомства с г[енерал]-м[айором] Ждановым составилось о нем представление как о беспомощном человеке, судьба которого послала ему большое испытание. Из разговоров и отношений к г[енерал]-м[айору] Жданову со стороны всех служащих я видел, что с ним никто не считался и, несмотря на то, что он, казалось бы, должен был быть большой персоной, – его игнорировали и относились как к малозначащему, отнюдь не влиятельному человеку»⁷⁶. По мнению свидетеля, «если бы г[енерал]-м[айор] Жданов был единомышленником большевиков, что для меня невероятно, то тогда его положение не было [бы] столь грустным, с ним бы считались и относились подобающе, но на самом деле он и другие офицеры штаба производили на меня жалкое впечатление, были угнетены и службой тяготились; многие, в том числе и генерал-майор Жданов, часто болели»⁷⁷. Сам Жданов якобы заявлял, что страдал и за себя, и за Россию.

В своем дополнительном показании белым от 16 (29) сентября 1919 г. Жданов отметил, что в январе 1919 г. штабом Московского округа за медлительность работы по формированию частей был недоволен даже председатель РВСР Л. Д. Троцкий, грозивший разогнать штаб в 48 часов, что, как отмечал Жданов, «грозило бедой»⁷⁸. Впрочем, по выявленным документам РККА негативное отношение Троцкого к Жданову не прослеживается.

Жданов неоднократно обращался к врачу П. О. Грингенбергу в Москве в связи с лечением последствий контузий⁷⁹. Представленные белому следствию медицинские документы должны были наглядно показать, что активным работником в Красной армии Жданов быть не мог. Впрочем, это противоречило версии и о его активной подпольной работе. На заседании военно-полевого суда в

декабре 1919 г. Жданов показал: «Я пробовал освидетельствоваться на предмет освобождения от военной службы, но меня не освободили. Тогда я решил всеми силами вредить советской власти»⁸⁰.

После отъезда Жданова к новому месту службы его должность якобы была упразднена и слита с должностью начальника штаба округа, которую с 11 мая 1919 г. занял бывший Генштаба полковник В. В. Новиков⁸¹. В приговоре, вынесенном военно-полевым судом белых, служба Жданова в Московском военном округе была признана несущественной⁸².

По версии Жданова, пиком его подпольной работы стала служба в Астрахани в первой половине 1919 г. 18 января 1919 г. главком Вацетис во второй раз приказал Жданову отправиться в Астрахань. Откладывать отъезд далее было невозможно, и в начале февраля 1919 г. Жданов отправился на Каспийско-Кавказский фронт в Астрахань в распоряжение командовавшего фронтом бывшего Генштаба полковника М. С. Свечникова.

Член РВСР К. А. Механошин 25 января 1919 г. потребовал от Н. И. Муралова предложить Жданову на основании телеграммы Троцкого немедленно подготовиться к отъезду на Каспийско-Кавказский фронт для назначения на должность командарма одной из армий⁸³. Фронту требовались специалисты Генерального штаба. Троцкий разрешил Жданову для пользы дела взять на фронт сотрудников. В частности, речь шла об инспекторе артиллерии 3-й армии Жданове, вероятно, родственнике будущего командарма⁸⁴.

Муралов и комиссар округа Е. М. Ярославский сообщали Механошину в поезд на Курском вокзале 30 января 1919 г.: «Тов. Жданов работает по организации Красной армии с июля 1918 г. и вошел во все подробности этого вопроса, особенно осложненного усиленной отправкой на фронт рот пополнений как из запас[ных] батальонов, так и [из] дивизий. Поэтому отъезд тов. Жданова в настоящее время сильно затормозит работу округа, так как мы лишаемся специалиста, дававшего нам всегда основанные на продолжительном опыте советы. Кроме того, тов. Жданов является знающим свое дело инструктором по обучению войск округа, войска привыкли к его требованиям и заменить его в этом деле кем-либо другим мы положительно затрудняемся».

Ввиду изложенного усиленно ходатайствуем об оставлении тов. Жданова на занимаемой им ныне должности. О последующем просим срочно уведомить»⁸⁵.

Подобный документ отнюдь не свидетельствует о том, что перед нами белый подпольщик.

Гражданская война на всех фронтах, где довелось служить Жданову (Нижняя Волга, Северный Кавказ и Украина), отличалась партизанским характером, что существенно облегчало работу белых подпольщиков в советских штабах. Нелегальной работе благоприятствовали и очевидные военные успехи белых в регионе, который в первой половине 1919 г. был взят войсками Деникина

под свой контроль. Способствовала этой работе и череда серьезных реорганизаций, через которую в феврале-марте 1919 г. прошли советские войска кавказско-каспийского региона.

На фронт Жданов прибыл вместе с Механошиным⁸⁶ в крайне тяжелый для вверенных ему соединений РККА период. 14 февраля он принял командование 12-й советской армией от бывшего вольноопределяющегося В. Л. Степанова. Следовательно, в этот период бывшему генералу большевики еще доверяли. Начальником штаба армии был Д. А. Северин (не генштабист). В армию 13 февраля были включены остатки разгромленной белыми, разложившейся, охваченной эпидемией сыпного тифа и испанки, утратившей управляемость и лишенной снабжения 11-й армии М. К. Левандовского, отступавшие на протяжении 400 километров по безводным прикаспийским степям с Северного Кавказа к Астрахани⁸⁷. В ходе отступления погибли до 4000 человек, были оставлены при отступлении ранеными и больными до 50 000 человек. Остатки 11-й армии вошли в состав 33-й стрелковой и 7-й кавалерийской дивизий.

Как отмечалось в датированном 22 февраля 1919 г. докладе бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Г. К. Королькова председателю РВС фронта К. А. Механошину «Положение Каспийско-Кавказского фронта и выход из этого положения», фронт находился в тяжелейшем положении в связи с разгромом 11-й и 12-й армий и их отходом из хлебного района к безводной степи. Автор доклада констатировал, что «поражение наших войск произошло не столько от несоответствия многих лиц командного состава, как от невозможности своевременного их (войск. – А.Г.) снабжения всем необходимым»⁸⁸.

С занятием Северного Кавказа белыми Астрахань оставалась единственным пунктом, связывавшим кавказско-каспийский регион с советским центром. Находившаяся в полуокружении советская группировка в районе Астрахани не позволяла осуществить стратегически важное для белых соединение Южного и Восточного антибольшевистских фронтов. Соответственно, задача удержания Астрахани была жизненно важна для красных. Этот вопрос находился на контроле руководства Советской России. Вместе с тем, Астрахань не имела надежных путей для связи с войсками и была плохо обеспечена в продовольственном отношении (в городе ощущалась нехватка хлеба, население питалось воблой), находилась в регионе, где существовали устойчивые антибольшевистские настроения в казачье-крестьянской среде. При невероятной обширности литературы по истории Астраханской обороны и роли в ней С. М. Кирова, деятельность Жданова в Астрахани практически нигде даже не упоминалась. Попробуем осветить этот важный вопрос.

Командование Жданова оказалось непродолжительным. Как отмечал сам генерал, он приехал в Индюковку, где находился штаб армии, застал там эпидемию тифа и заболел сам. Лишь в середине марта Жданов вернулся к активной

работе и 13 марта принял временное командование над 11-й советской армией второго формирования, созданной из остатков расформированной в тот же день 12-й армии, а также упраздненного Каспийско-Кавказского фронта и непосредственно подчиненной главкому. В приказах РВСР по личному составу армии Жданов числился командармом-11 почему-то с 1 февраля 1919 г.⁸⁹

Недовольство происходящим на Каспийско-Кавказском фронте накапливалось в большевистском военно-политическом руководстве постепенно. Так, в начале 1919 г. произошел громкий внутрипартийный конфликт в РВС фронта между председателем РВС фронта (13.12.1918–14.02.1919) А. Г. Шляпниковым с одной стороны и особоуполномоченной по руководству политической работой на фронте Е. Б. Бош, а также председателем астраханского губкома РКП(б) Н. Н. Колесниковой, с другой. Конфликт приобрел огласку, повлек вмешательство ЦК РКП(б), председателя СНК и Совета рабочей и крестьянской обороны В. И. Ленина, председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, создание специальной комиссии для расследования и в конечном итоге отстранение Шляпникова и Бош от занимаемых должностей⁹⁰. Не способствовало доверию к местным руководителям и контрреволюционное выступление некоторых частей астраханского гарнизона 21–23 января 1919 г. После этого в Астрахань прибыли новые партийные руководители член РВСР К. А. Механошин (14 февраля 1919 г. сменил Шляпникова на посту председателя РВС фронта) и С. М. Киров. Был создан такой нетипичный для этого периода чрезвычайный орган власти, как Временный Военно-революционный комитет с неограниченными полномочиями во главе с Кировым (функционировал с 25 февраля по 26 апреля 1919 г.), арестован начальник Особого отдела штаба Каспийско-Кавказского фронта Карл Янович Грасис, превысивший свои полномочия. Ранее Грасис по распоряжению Шляпникова арестовал группу спекулянтов и партийных работников. Разбирательство по партийной линии и наказание руководства Особого отдела могло повлиять на решительность борьбы с контрреволюцией, что предопределило кадровые перестановки в местных чекистских органах. Арестованный некоторое время содержался при РВС⁹¹. После ареста К. Я. Грасис возглавил разведывательное отделение штаба фронта⁹². Вернувшийся в Москву Шляпников потребовал предать себя суду революционного военного трибунала по делу о гибели 11-й армии⁹³.

Нельзя исключать того, что в штабе фронта действовало антибольшевистское подполье (впрочем, штаб фронта советские мемуаристы и историки обвиняли в троцкизме и упрекали в потворстве белому подполью⁹⁴, в связи с чем достоверность подобных свидетельств вызывает сомнения). Сохранились позднейшие свидетельства о работе белого подполья за конец 1918 – начало 1919 г. По свидетельству старого большевика А. А. Вартаняна, «было известно, например, что один из этих “военспецов”, занимавший высокий пост чуть ли не

начальника штаба армии⁹⁶ или зам. начальника, является белогвардейским агентом, имеющим связи с противником.

Политотдел несколько раз докладывал Реввоенсовету об этом предателе, но [А. Г.]Шляпников, слепо доверяя ему, обвинял работников Политотдела и лично [Е. Б.]Бош в “спецеестве”, что мы вмешиваемся не в свои дела и т. д.

Даже после того, как этот высокопоставленный “спец” через некоторое время, улучив подходящий момент, перешел фронт и пробрался к белым, унося с собою очень важные сведения о состоянии наших вооруженных сил, даже после этого Шляпников не унимался и грозил Бош за ее, якобы, “строптивость”⁹⁶.

Были и другие указания либо на работу антибольшевистского подполья, либо на махинации и дезорганизацию управления. Видный большевистский деятель, чрезвычайный комиссар Юга России Г. К. Орджоникидзе в своем докладе в СНК от 10 июля 1919 г. обвинил РВС фронта в злоупотреблениях и неспособности организовать снабжение войск⁹⁷. Из-за технических неисправностей были задержаны в Астрахани и не поступили в войска 15 мотоциклов с пулеметными площадками, 25 автомобилей, проблемы с транспортировкой не позволили направить в войска имущество маршрутного поезда с обмундированием на 40 000 человек. Имущество 11-й армии расхищалось. Три миллиона патронов и 8 000 снарядов, присланные из Центральной России, оказались захвачены белыми в астраханских степях. Из выделенных армии 500 миллионов рублей только 35 дошло до войск⁹⁸.

Однако на решение ликвидировать фронт окончательно повлияли развал и дезорганизация управления. Об этом председатель РВСР Л. Д. Троцкий телеграфировал 2 марта в Астрахань с копией в Полевой штаб РВСР: «Из доклада комфронта Кас[пийско-]Кав[казского] [М. С.]Свешникова⁹⁹ № 15/ок усматривают неправильное отношение к делу, катастрофа Кас[пийско-]Кав[казского] фронта свидетельствует о плохой организации управления командования. Комфронт Свешников ссылается на свой доклад от 15 декабря, как будто задача командующего состоит в писании докладов и запоздалых ссылок на доклад. Нужно было доложить, что практически сделано в устранении тех недостатков, какие указывает доклад 15 декабря, почему не были своевременно расформированы хулиганские части, недисциплинированные командиры, почему колоссальная, бесформенная, полуодетая армия не была своевременно сведена к двум-трем дивизиям. Реввоенсовет Кас[пийско-]Кав[казского фронта] удовлетворялся отписками и, как показали практические результаты, палец о палец не ударил для серьезной работы, преступно писать бумажки там, где нужны широкие меры (здесь и далее подчеркнуто, видимо, Механошиным. – А. Г.). Считаю с одной стороны необходимым радикально обновить командный состав сверху донизу, на этом сложном, неустойчивом фронте нужны люди, твердые, решительные, а не канцелярские. Нужны люди, которые умеют пользоваться неде-

лями, не теряя бессмысленно целые месяцы»¹⁰⁰. По всей видимости, именно Троцкий и инициировал кардинальные перемены.

Реорганизация пришлась на крайне беспокойное время, поэтому неудивительно, что в публиковавшихся в СССР воспоминаниях и исследовательских работах за произошедшими реорганизациями пытались выискивать козни Троцкого¹⁰¹. Как раз в процессе реорганизации фронта и армий, в период 10–13 марта, в Астрахани вспыхнуло антибольшевистское рабочее восстание, которое было решительно и беспощадно подавлено. В тылу накапливались дезертиры, объединявшиеся в банды, на борьбу с которыми отвлекались силы с фронта.

При реорганизации в штабе должного порядка не было. Разведка и контрразведка практически не осуществлялись, что вызывало одергивания даже из центра¹⁰². В 12-й армии донесений и сведений о противнике, по сути, не имелось (начальник разведывательного отделения издал два распоряжения за два месяца¹⁰³). Наблюдалась волокита. Документ стратегического значения от управления делами до начальника штаба путешествовал сутки, от начальника штаба до начальника оперативного отделения еще двое суток, от последнего до начальника разведывательного отделения 1,5 суток¹⁰⁴. Об этих недостатках докладывал в рапорте члену РВС К. А. Механошину начальник разведывательного отделения штаба фронта. Вывод из ситуации делался достаточно категоричный – «этот канцелярский онанизм подрывает желание работы, а эти товарищеские отношения создают только какую-то странную диффузию попустительства и лени»¹⁰⁵. Не соблюдалась и секретность. Так, в штаб фронта открытым текстом передавались данные об отправке разведчиков¹⁰⁶.

Реорганизовывавшийся штаб фронта страдал дефицитом квалифицированных кадров. Остро не хватало генштабистов. Так, начальник оперативного управления Е. Н. Ригельман сообщал в рапорте начальнику штаба фронта 12 марта 1919 г.: «Во вверенном мне управлении из четырнадцати положенных по штату специалистов Генштаба состою на службе только один я.

Работниками в управлении за исключением недавно назначенных начальника разведывательного отделения т. Грасиса и начальника связи т. Розенфельда, в достаточной мере знакомых с делом, остальные как по своей подготовке, так и по служебному опыту далеко не соответствуют занимаемым должностям, в особенности письмоводители, коими в большинстве своем состоят совершенно незнакомые с военным письмоводством женщины. При таких условиях мне приходится затрачивать массу времени на разрешение всевозможных мелочных вопросов, обучать начальников отделения системе сортировки и подшивки бумаг, исправлять редакции почти каждой исходящей бумаги и т. д., что же касается таких работ, как составление ведомостей боевого состава войск фронта и черчения схем, составляющих работу начальника оперативного отделения, то эти работы принужден был составлять сам уже четвертый раз.

Занимаясь в канцелярии с 10 часов почти всегда до 3 и с пяти до 10–11 часов вечера, я едва справляюсь с текущей перепиской, требующей срочного исполнения почти каждой бумаги.

В настоящее время кроме текущей переписки на меня возложено:

- 1) ведение журнала военных действий (за недостатком опытных помощников эту работу я должен исполнять сам);
- 2) составление обзора деятельности штаба фронта за все время. Эту работу я должен также принять на себя;
- 3) составление военно-географического описания всего района фронта к 1 апреля.

Для исполнения всех означенных работ, в особенности последней, для которой надо, так сказать, из-под земли доставать материалы, ибо вряд ли в Астрахани найдутся необходимые источники, я должен совершенно уйти от текущей штабной работы, что, полагаю, совершенно невозможно.

При создавшемся положении исполнение мною означенных выше работ возможно лишь при условии, не определяя срока их окончания, предоставить мне право исполнять эти работы постолько, поскольку будет возможно.

Кроме того, прошу не давать для исполнения в оперативное управление работ по формированию войск, хозяйственного характера и других, которые в настоящее время для быстроты исполнения проходят через вверенное мне управление, не имея к нему прямого отношения.

Прошу также о выписке хотя бы некоторого количества лиц Генштаба»¹⁰⁷.

По данным на 20 марта 1919 г., в 11-й армии числились четыре выпускника Николаевской академии – начальник штаба армии Б. И. Пересвет (выбыл на лечение), начальник оперативного управления Е. Н. Ригельман, начальник административного управления П. Л. Бурков и командарм Н. А. Жданов¹⁰⁸. В командование армией Жданов вступил 20 марта¹⁰⁹. На усиление штаба были направлены и другие выпускники академии: И. М. Биркан, А. П. Васильев (в прикомандировании к штабу армии), А. Ф. Кадошников (начальник штаба армии с 27 апреля 1919 г.), Г. К. Корольков (в распоряжении председателя РВС армии), К. А. Людсканов-Цанков, А. С. Нечволодов (начальник административного управления штаба армии со 2 мая 1919 г., позднее – начальник штаба Астраханской группы войск)¹¹⁰. Штаб покинули Бурков и Пересвет (по болезни). Людсканов-Цанков и Нечволодов позднее бежали к белым¹¹¹. Жданов дважды просил о назначении начальником оперативного управления штаба армии генштабиста В. В. Новикова (своего сослуживца по штабу Московского военного округа) вследствие нехватки кадров и дважды получил отказ Всероглаштаба, где также не было кадров¹¹². К 1 мая 1919 г. в штабе 11-й армии числились 7 «лиц Генерального штаба», в т. ч. один больной и один окончивший академию по 2-му разряду¹¹³. В основном же, в штабе служили бывшие

офицеры военного времени. По данным на начало июня 1919 г. из 89 служащих штаба – бывших офицеров было 35 прапорщиков, флагманский мичман, 14 подпоручиков, 13 поручиков, 4 штабс-капитана, 2 капитана, 11 штаб-офицеров, 4 генерала, 5 неизвестно¹¹⁴.

Недостатки прежних штабов унаследовал и новый штаб 11-й армии. Начальник разведывательного отделения штаба армии С. Васильев признавал 16 апреля 1919 г. в рапорте начальнику оперативного отделения, что «организованной систематической агентурной разведки при разведотделе не имеется», а вся агентурная разведка находилась в руках политкома отдела Т. И. Попова¹¹⁵. Даже во второй половине мая эти недостатки не были устранены. Согласно рапорту вр. и. д. начальника разведывательного отделения начальнику штаба, в штабе армии получаемые командованием разведывательные сведения «почему-то держатся до устарелости», а тождественные сведения разведывательного отделения в результате строились на предположениях¹¹⁶.

Не была четко размечена разграничительная линия между 11-й и 4-й армиями¹¹⁷.

В период реорганизации и упразднения фронта Жданов некоторое время был его командующим. 21 марта 1919 г. он выступал в этом качестве перед РВС фронта по вопросу формирования новых дивизий (в частности, речь шла о формировании 34-й стрелковой дивизии, развертывавшейся из запасных батальонов)¹¹⁸.

Прежний командующий Каспийско-Кавказским фронтом М. С. Свечников, стремясь оправдать свои неудачи, отмечал впоследствии: «Тов. Мехоношин и командующий армией тов. Жданов имели для работы по формированию частей не единицы, а сотни сотрудников по всем специальностям, в том числе и политработников, работавших с 59-й комиссией Высшей военной инспекции и не на фронте, а в г. Астрахани, где к этому времени находилось три четверти войск всего фронта, все же они принуждены были месяцами работать над окончательным сформированием одной 33-й стрелковой и двух неполных дивизий (34-й стрелковой и 7-й кавалерийской)¹¹⁹, причем им все-таки не доставало и сотрудников и предметов довольствия»¹²⁰.

11-я армия имела статус отдельной (т. е. по значимости равнялась фронту, подчиняясь непосредственно главкому) и боролась с белыми на Северном Кавказе и Нижней Волге. Ей ставились задачи овладения Святым Крестом, Пятигорском, Владикавказом, Моздоком, Грозным, Кизляром, проведения совместной операции с Астраханско-Каспийской флотилией на Петровск–Дербент–Баку. В состав армии входили 33-я и 34-я стрелковые и 7-я кавалерийская (переименована из кавалерийской 3 апреля 1919 г.) дивизии. Членами РВС были К. А. Механошин и С. Е. Сакс, а с 7 мая к ним добавились И. С. Кизельштейн, С. М. Киров (находился в Астрахани с января 1919 г., осуществляя руководство

ее обороной, до включения в РВС армии возглавлял в ней политотдел) и С. П. Медведев. Начальниками штаба армии были И. Ф. Широков (19.03–18.04.1919), Е. Н. Ригельман (вр.и.д., 19–29.04.1919, затем – начальник оперативного управления) и А. Ф. Кадошников (30.04–12.06.1919). Особый отдел армии 10 марта 1919 г. возглавил известный своей беспощадностью чекист Г. А. Атарбеков по прозвищу «железный Геворк». Подпольная антибольшевистская работа при нем была предельно затруднена и рискованна.

К 1 апреля в 11-й отдельной армии имелось 15 444 штыка, 3393 сабли, 736 пулеметов, 96 орудий, 9 аэропланов, 2 аэростата, 11 броневедомостей, 9602 лошади, 910 повозок, всего 31 433 человека¹²¹. Армии приходилось сражаться в тяжелых условиях. В Астрахани в марте 1919 г. существовал дефицит продуктов (по данным на апрель, работники штаба фронта получали в качестве пайка фунт хлеба в день), распространилась эпидемия сыпного тифа¹²². Медленно готовилась операция на Черный Рынок–Величавое. Планировалось наступление и на Святой Крест, операции на Кизляр–Петровск (на последний совместно с флотом и с возможностью высадки десанта¹²³).

29 марта Жданову были поручены занятия с руководством 33-й стрелковой дивизии¹²⁴. По показаниям Жданова белым, если бы не его саботаж, дивизия могла быть готова к отправке на фронт уже в апреле 1919 г., между тем по данным разведки он знал, что белые проводили мобилизацию на Восточном Кавказе и не хотел этому препятствовать¹²⁵.

Интересно, что Жданов помимо управления войсками занимался составлением многочисленных инструкций для красноармейцев¹²⁶. 10 апреля он приветствовал первый выпуск красных офицеров Астраханских советских пехотных курсов командного состава РККА¹²⁷.

Почти сразу Жданов попал под следствие. В апреле 1919 г. он с женой якобы пытался бежать из Астрахани на автомобиле, чтобы добраться до спекулянтов, которые могли переправить военспеца к казакам, но по одной версии у беглецов не оказалось достаточно топлива, а по другой – сломалась машина. Жданов впоследствии сообщил белым, что в тот период «с Восточного Кавказа войска ген. Деникина готовились к наступлению. Революционный совет требовал от меня наступления, но я, понимая, что своим наступлением причиню большой вред Добровольцам, не наступал, объясняя тем, что еще не сформировал три дивизии. Высшее советское командование требовало от меня покорения Восточного Кавказа, но до апреля Кавказ мною покорен не был, и это доказывает, что я действовал не в пользу советской власти. В апреле я хотел бежать, но автомобиль сломался. Вскоре после этого от Троцкого приехал ревизор ген. Корольков, это доказывает, что мне не доверяли и ко мне приставили особого комиссара С. Баландина – это было в Астрахани. В июне 1919 г. я приехал в Москву, и первый раз меня допросил Курский¹²⁸ лишь 27 июля»¹²⁹.

Белое следствие активно искало свидетелей, которые могли бы раскрыть подробности деятельности Жданова на высоких постах в РККА. Одним из таких свидетелей оказался полковник А. И. Домбровский – интендант 11-й армии, которой командовал Жданов и человек, видевший бывшего генерала в Киеве в августе 1919 г., позднее перешедший к белым, а осенью 1919 г. находившийся в распоряжении председателя судебно-следственной комиссии белых. Домбровский подтвердил, что вредительские действия Жданова действительно имели место.

Заявления Жданова о том, что он препятствовал активным действиям красных на Северном Кавказе, подтверждали свидетели с белой стороны. Например, генерал от кавалерии П. П. Калитин, который в марте–мае 1919 г. был начальником гарнизона Владикавказа. В показании от 4 (17) декабря он отметил, что в то время Ингушетия, Чечня и Дагестан были охвачены сильными волнениями, чем, по мнению Калитина, мог воспользоваться Жданов, чтобы нанести удар по белым тылам. Однако красные не проявили активности¹³⁰. Следует учитывать, что Калитин и Жданов были старыми сослуживцами еще по Иркутскому военному округу до Первой мировой войны, в связи с чем Калитин не мог быть непредвзятым свидетелем. Кроме того, пассивность красных совершенно не обязательно была следствием саботажа Жданова.

В дополнительном показании от 27 сентября (10 октября) 1919 г. Жданов отметил, что вносил хаос в войска и в хозяйственном отношении. Так, на довольствии в подчиненных ему войсках состояло 60 000 человек, из них бойцов было не более 10 000. В результате возникла нехватка продуктов, недовольство, бегство красноармейцев и значительный расход средств большевиками. При расформировании Каспийско-Кавказского фронта Жданов преднамеренно не расформировал управления фронта и 12-й армии. Из фронтовых управлений он организовал громоздкое управление 11-й армии, а из управления 12-й армии – не вызванные необходимостью боевые участки. Об этом знали полковники А. С. Нечволодов и А. И. Домбровский, находившиеся в распоряжении судебно-следственной комиссии белых¹³¹.

Указание на осведомленность о подпольной работе Жданова Генштаба полковника Нечволодова достаточно интересно.

Нечволодов занимал пост начальника административного управления 11-й армии, а затем начальника штаба 34-й стрелковой дивизии. Впоследствии он стал еще одним видным перебежчиком из РККА к белым¹³². Есть основания считать его одним из крупных деятелей антибольшевистского подполья. Наличие же связи с другим подпольщиком, Ждановым, дает основание предполагать, что генштабисты-подпольщики действовали не разрозненно, а могли иметь организацию, их объединявшую. В своих показаниях по делу Жданова Нечволодов отметил, что состоял членом организации офицеров Генштаба, но

какая организация имелась в виду, — неясно. По всей видимости, речь шла о подпольной организации¹³³.

Странности в работе Жданова замечали и советские военные деятели. Анонимный автор под псевдонимом «Военный» писал уже в 1919 г.: «Получив то или иное приказание Вацетиса, Жданов почему-то не приступал к его исполнению, а вносил его в Совет на обсуждение. Конечно, там исполнение такого приказа встречало много возражений; Жданова просили возбудить ходатайство об отмене приказа или еще что-либо другое; он не имел духу принять свое решение; телеграмма заваливалась в Совете и в штаб попадала случайно, после исполнения, уже для подшивки к делам»¹³⁴. По мнению «Военного», операциями в районе Астрахани руководили «люди не военного склада характера и без должной профессиональной подготовки. На это возразят, что во главе и фронта, и 11 отд[ельной] армии стояли опытные военные начальники, прошедшие школу Генерального штаба. Но ведь это — самообман; Жданов имел не больше значения, чем любой простой красноармеец, в тех условиях, при которых ему приходилось работать. Совет опутывал его по рукам и ногам. Гражданского человека, входившего в состав Рев[олюционн]ого Воен[ного] Совета, как и всякого другого обывателя, пугали ползущие на войне из всех щелей ужасы, страхи, опасности, то там, то здесь обходят, могут отрезать от базы, аэропланы делают налеты и сбрасывают бомбы и т. д. Он забывал многие простые военные истины, в том числе одну, что нет на войне такого положения, из которого нельзя было бы выйти. Такой обыватель приносил свое угнетенное настроение в Совет и заражал им других сочленов, также не военных по характеру и воспитанию.

А убеждать, доказывать правоту своего мнения и необходимость его проведения в жизнь — Боже мой, сколько же на это потребуется нервной энергии, сил и здоровья? Да и у кого их, наконец, найдешь на шестом году войны и при столь тяжелых условиях жизни?

Принятый нынче способ управления фронтом и армией нужно признать непригодным для дела»¹³⁵.

Вот, как характеризовал тот же автор участие Жданова в различных операциях. Выводы можно сделать самостоятельно. В морской десантной экспедиции по захвату стратегически значимой для заключенной в кольцо фронтов РСФСР нефти в районах Гурьева и Баку «Жданов... не принимал активного участия; она протекала стихийно, неизвестно кем руководимая»¹³⁶. После захвата в мае 1919 г. казаками селения Джамбай в 150 верстах восточнее Астрахани Жданов выглядел сильно обеспокоенным и даже созвал специальное совещание с участием представителей флота по вопросу об отбитии этого пункта¹³⁷. Как отмечал очевидец, «много было потрачено времени на эти разговоры; ни к чему определенному не пришли, а Жданов лично не принимал никакого решения»¹³⁸. В вопросе содействия 10-й армии, оттесненной белыми севернее

Маньча, «как и на Красноярском участке, Жданов оставался пассивным... в Совете что ни день, то созрел тот или иной план действий; но, как только, бывало, автор проекта изложит его Совету, поднималась критика, и план обыкновенно не получал утверждения. Сам Жданов был одним из богатейших источников подобных планов действий; однако, он не имел сил отстоять свое предложение и всегда упускал из виду доложить Совету, что ему не предоставлено права вмешиваться в технические распоряжения командующего армией. Один только раз он попробовал отдать приказание без скрепы члена Рев[олюционному] Воен[ного] Совета; но, отдавая его без участия штаба, Жданов напутал и только скомпрометировал себя; потом штабу пришлось составить новое приказание, которое, конечно, не встретило возражений со стороны Рев[олюционному] Воен[ного] Совета»¹³⁹. Один из планов помощи 10-й армии Жданов все же попытался реализовать, но попытка окончилась неудачей и лишь ослабила положение красных в районе села Урожайное¹⁴⁰.

РВС 11-й армии после череды неудач пребывал в подавленном настроении, члены совета потеряли веру в возможность удержания Астрахани. Главком Вацетис запросил личное мнение Жданова по этому вопросу, на что «Жданов в своем ответе, в общем, подтвердил, что он вполне солидарен во взглядах с пред[седателем] Рев[олюционному] Воен[ного] Совета армии. По донесению Жданова, флот наш надолго выведен из строя, командующий флотом Сакс не соответствует своему назначению. Так как со стороны Астрахани овладеть Кавказом нельзя иначе, как при содействии флота, то от мысли о завоевании Кавказа сейчас нужно отказаться. Что же касается вопроса об удержании в своих руках г. Астрахани, то Жданов смотрел на положение дел более оптимистично. В своей телеграмме главнокомандующему он категорически доносил, что не сдаст Астрахани, если только соседи справа и слева не сдадут своих позиций.

Главнокомандующий, очевидно, остался недоволен ответом Жданова; по крайней мере, нач[альник] Полевого штаба Ф. Костяев в своей ответной телеграмме на только что указанную сообщил, что главком обращает его внимание на редакцию его телеграмм и, особенно, на его неопределенные, нерешительные взгляды на положение дел»¹⁴¹.

Недовольны Ждановым были и в РВС армии. Председатель РВС К. А. Механшин телеграфировал 1 апреля главкому И. И. Вацетису с копией Троцкому: «Жданов совершенно не справляется [с] работой, его решения и планы меняются каждый день, противоречат один другому, вмешиваясь в мелочи формирования дивизий, он мешает работать начдиву 33 дивизии [П. К.] Мармузову, опытному военному специалисту и упускает организацию армейских органов и самого штаба. Совершенно нельзя допустить Жданова, слишком безличного, хотя и весьма преданного и честнейшего человека, к управлению отдельной армией. Под чьим-либо непосредственным руководством он, быть может смо-

жет командовать одной из армий фронта, имея частые и точные директивы, как исполнитель Жданов окажется удовлетворителен»¹⁴².

Вместе с тем, Механошин не подозревал командарма в нелояльности. Наоборот, по итогам событий апреля–мая 1919 г. он скорее считал изменниками самого главкома И. И. Вацетиса, лишившего армию дивизий и дальними перебросками разрушившего соединения, а также Полевой штаб РВСР. По мнению Механошина, «с армией проделываются недопустимые эксперименты, граничащие или с тупым канцелярским бюрократизмом или с прямой изменой»¹⁴³. Более того, Механошин свидетельствовал о наличии «прямой белогвардейской работы технического аппарата Полевого штаба»¹⁴⁴. В другом месте того же доклада он отмечал: «Ясно чувствовалось прямое предательство Полевого штаба... манипуляции с неверными сведениями, которые проделывались главкомом в различных телеграммах, были лишь стремлением скрыть от Совета обороны действительное положение на фронте»¹⁴⁵.

Сам Жданов подробнее всего рассказывал белым о своей работе по срыву формирования 33-й стрелковой дивизии. Попробуем сопоставить его показания с подлинными оперативными документами, чтобы выяснить, имел ли место саботаж. Приказ сформировать 33-ю и 34-ю стрелковые и 7-ю кавалерийскую дивизии Жданов получил еще в конце марта 1919 г. Член РВС 11-й армии К. А. Механошин планировал силами 33-й дивизии наступать на Петровск и Грозный, занятие которых открывало доступ к нефтяным месторождениям, поскольку Советская Россия переживала нефтяной кризис¹⁴⁶. Жданов располагал агентурными данными о том, что Чечня в это время была охвачена восстанием, а казачьи части стягивались с Восточного Кавказа на Западный. Таким образом, наступление силами дивизии на Грозный могло принести успех и было крайне опасным для белых. Для срыва операции Жданов решил провести одновременное формирование сразу трех дивизий, как того и требовал главком¹⁴⁷. В результате ни одна из них не была сформирована в удобное для наступления время, и момент был упущен. Более того, 34-я дивизия не была сформирована вплоть до июня 1919 г.

Ухудшение положения красных на Восточном фронте в результате наступления колчаковских армий, а затем ухудшение на Южном фронте вследствие консолидации антибольшевистских сил и казачьих восстаний привели к необходимости переброски войск. Поскольку обстановка менялась, директивы из центра тоже менялись. Разумеется, перемены директив вели к неразберихе и могли использоваться в целях саботажа.

Еще 9 апреля главком И. И. Вацетис приказал Жданову и командующему флотилией С. Е. Саксу готовить транспорты для перевозки войск по воде¹⁴⁸. 11 апреля 1919 г. главкому И. И. Вацетису были представлены соображения о передаче частей 33-й и 34-й стрелковых дивизий на усиление 10-й армии

(очевидно, в связи с активизацией казачьего повстанчества на Дону). Началась полудетективная история их переброски, затянувшаяся почти на два месяца. Рассмотрим эти события детально.

По данным на 13 апреля, в сформированной 34-й дивизии было неблагоприятное санитарное состояние личного состава¹⁴⁹. В середине апреля начальнику дивизии было предписано приступить к формированию управления дивизии и штаба бригады¹⁵⁰. Армия готовилась к крупным сухопутным и морским операциям на Петровск и Гурьев.

По всей видимости, Ставка не имела определенного взгляда на использование 11-й армии. Поступавшие распоряжения не отличались продуманностью. Так, 16 апреля начальник Полевого штаба приказал готовить десантную операцию к Святому Кресту¹⁵¹, однако затем из армии стали активно изымать войска. 19 апреля штаб боевого участка был переформирован в штаб 7-й кавалерийской дивизии. В тот же день была получена телеграмма Ставки о предстоящей отправке наиболее сильной, 33-й дивизии, на Южный или Восточный фронты¹⁵².

19 апреля начальник Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяев телеграфировал Жданову: «Тридцать третья дивизия в полном составе и бригада кавалерии должны быть готовы... не позже двадцать пятого сего апреля. Все эти части подлежат переброске в район Самары. Срочно примите меры к приведению этих частей в полную боеспособность»¹⁵³.

Наконец, 20 апреля поступило распоряжение привести к 25 апреля в полную боеспособность 33-ю стрелковую дивизию и бригаду кавалерии для переброски на Южный или Восточный фронты, был объявлен приказ по армии о спешном формировании штабов, учреждений и частей 33-й дивизии¹⁵⁴. Тогда же пришло новое распоряжение центра – главком И.И. Вацетис приказал срочно направить 33-ю стрелковую дивизию и бригаду 7-й кавалерийской дивизии на Восточный фронт юго-восточнее станции Урбах. Главком телеграфировал Жданову: «20 апреля 1919 года оперативная немедленно направьте тридцать третью дивизию в полном составе и одну бригаду седьмой кавдивизии на Востфронт. Район сосредоточения указанных частей на Востфронте Титовка – Михайловка – Ивановка – Константиновка. Движение от Астрахани до Николаевска, до района сосредоточения, походным порядком. По прибытии в районе сосредоточения названные части поступают в резерв Главкома, но продовольствие и все снабжение возлагается на Востфронт. Одиннадцатой армии снабдить перебрасываемые части продовольствием на все время движения как по железной дороге, так и походным порядком. Квартирьеров в район сосредоточения выслать по получении сего. Переброска должна начаться не позже 25 апреля весьма экстренным порядком. № 1795/оп. Главком Вацетис, член РВСР Аралов»¹⁵⁵. По всей видимости, телеграмма содержала несколько ошибок или умышленных искажений, т. к. от Астрахани практически до Саратова войска не могли добраться поход-

ным порядком. Очевидно, предполагалось следование таким порядком от района сосредоточения. Кроме того, из текста телеграммы следовало, что районом сосредоточения мог быть как Николаевск, так и район указанных деревень (в треугольнике Урбах—Красный Кут—Мокроус). Возможно, речь шла о преднамеренной диверсии на телеграфе.

Расследовавший позднее обстоятельства переброски дивизии генштабист Г. К. Корольков отмечал: «Обращает на себя внимание, что все делалось помимо нач[альника] штаба армии (т. [И. Ф.] Шаркова) и оперативного управления, т. е. как бы их и не было. Названные телеграммы, судя по отметкам, попали в оперативное управление лишь 3 мая. Такой порядок нельзя признать нормальным (разрядка документа. — А.Г.), а такая система должна печально отражаться на делопроизводстве и вредить делу»¹⁵⁶.

21 апреля состоялось собрание командиров и комиссаров частей дивизии для обсуждения отправки и размещения дивизии в треугольнике Урбах—Красный Кут—Мокроус¹⁵⁷. Тогда же в этот район выехали квартирьеры. Расследовавший обстоятельства переброски генштабист Корольков считал этот район неверным (что, на наш взгляд, не стыкуется с телеграммой Вацетиса, где этот район как раз был обозначен), однако, по его мнению, в итоге ошибка сыграла благоприятную роль: «Неправильно понятый район сосредоточения дивизии на этот раз вместо вредных последствий принес некоторую пользу, так как 2-я бригада высаживалась в районе Урбаха в то время, когда противник подходил к Мало-Узенску. Эту ошибку по отношению 2-й бригады пришлось исправлять 4-й армии, а ЦУПВОСО пришлось принять ряд энергичных мер, чтобы с остальными частями дивизии не повторилась выгрузка в районе Урбаха»¹⁵⁸. Сам Жданов показывал белым 6 (19) сентября 1919 г.: «В мае или апреле 1919 г. к востоку от железной дороги Саратов—Астрахань, восточнее Красного Кута появилась (высаженная из вагонов) бригада пехоты, а затем опять уехала (здесь и далее подчеркнуто представителем следствия красным карандашом. — А.Г.). Эту бригаду я, командир 11 (советской армии), заслал в сторону от направления движения корпуса генерала Улагая, тогда как приказано было послать ее по Волге водой»¹⁵⁹. Из этого свидетельства Жданова видно, что он искажил события, пытаясь себя представить саботажником. В действительности бригада и получила приказание прибыть в указанный район. Значит ли это, что и остальные показания Жданова о подпольной работе ложны — еще предстоит установить.

В тот же день, 21 апреля, Вацетис предписал в кратчайший срок выполнить постановление Совета обороны о захвате нефти в районе Гурьева. На следующий день, 22 апреля, части РККА взяли Черный Рынок, но оставили Лбищенск. Лишь 23 апреля был затребован подвижной состав для переброски 33-й стрелковой дивизии. 27 апреля главком распорядился безотлагательно приступить к переброске 33-й стрелковой дивизии и бригады 7-й кавалерийской дивизии на

Восточный фронт¹⁶⁰. В тот же день было расформировано управление делами РВС 11-й армии, организован секретариат. Бывший управляющий делами Баландин назначен главным политическим комиссаром. Впрочем, Жданов отмечал, что этот комиссар мнил себя знатоком, хотя ничего не понимал в военном деле и был неопасен¹⁶¹.

Переброска 2-й бригады 33-й дивизии на станцию Урбах Рязано-Уральской железной дороги началась в соответствии с указанием главкома 25 апреля¹⁶². Первоначально войска двигались по железной дороге. К отправке предназначались 16 000 красноармейцев, 3500 лошадей, 44 орудия, 360 пулеметов, 30 зарядных ящиков, 120 повозок. Для этого требовалось 1050 вагонов, но такого количества подвижного состава в Астрахани не было, и на быструю переброску рассчитывать не приходилось. В результате было намечено отправить 22 эшелона по два в день. Отправка должна была, таким образом, продолжаться по 5 мая. Один вагон выделялся на 32 человека и 8 лошадей, перед посадкой проводилась дезинфекция¹⁶³. По уточненным данным, в дивизии на 25 апреля 1919 г. значились 18 321 человек, 3844 лошади, 1149 повозок, 44 орудия, 10 зарядных ящиков, 19 автомобилей. В трех бригадах значилось 6725, 3903 и 1871 человек соответственно. Дивизия имела три легких артдивизиона по 12 орудий каждый, тяжелый 6-дюймовый артиллерийский дивизион из 4 орудий, 48-линейный гаубичный дивизион из 4 орудий, 6 аэропланов (36-й авиаотряд), 10 бронеавтомобилей и 4 мотоцикла (33-й автобронеотряд), инженерный батальон и батальон связи¹⁶⁴. В период с 25 по 29 апреля на Урбах ушли 10 эшелонов¹⁶⁵, т. е. отправка производилась по принятому в Астрахани графику. Третья бригада отправлялась на станцию Красный Кут. Идея переброски водой якобы принадлежала штабу дивизии¹⁶⁶, однако вопрос об этом некоторое время оставался в подвешенном состоянии¹⁶⁷.

После окончания отправки 2-й бригады 28 апреля дальнейшая погрузка прекратилась, более того начдив разработал план оставления в Астрахани 15 рот от всех бригад дивизии для формирования 34-й дивизии. Об этом было получено словесное распоряжение штаба армии, причем начальник штаба армии заявлял, что это указание штаба армии, а командарм считал это инициативой начдива-33 Мармузова, который намечался на пост начальника 34-й дивизии¹⁶⁸.

28 апреля красные оставили Черный Рынок под натиском превосходных сил противника. Начальник штаба армии Широков сдал должность Е. Н. Ригельману и уехал в штаб 33-й дивизии. Вместе с тем, 26 апреля в распоряжение командующего армией на должность начальника штаба прибыл бывший вр. и. д. военрука Московского окружного комиссариата по военным делам и начальник штаба Московского военного округа генштабист А. Ф. Кадошников, по всей видимости ранее служивший со Ждановым. Вр. и. д. начальника 34-й дивизии А. С. Смирнов получил назначение начальником гарнизона Астрахани. Жданов

в этот день отдавал распоряжения о снабжении 34-й дивизии обмундированием, обувью и оружием¹⁶⁹.

29 апреля состоялся разговор Жданова с Вацетисом по прямому проводу. Жданов сообщил о получении утром 28 апреля телеграммы Костяева № 1938/оп от 27 апреля о безотлагательной переброске на Восточный фронт 33-й дивизии и бригады 7-й кавдивизии и о срочном донесении, на каком основании дано противоположное распоряжение. Жданов заявил: «Побеспокоил Вас лично, чтобы доложить, что означенная телеграмма Ф. Костяева есть плод какого-то недоразумения»¹⁷⁰. Жданов заверил главкома, что уже 25 апреля в армии приступили к выполнению приказа, т. к. начдив донес, что из Астрахани отправлено 4000 штывков при 12 легких орудиях. Командарм просил отправить из армии только бригаду 33-й дивизии, а прочие части и бригаду 7-й кавдивизии оставить в армии, т. к. иначе в армии не оставалось ни одной воинской части, поскольку 34-я дивизия еще только формировалась (в наличии имелись 3000 красноармейцев с разнообразным вооружением, плохо обмундированных, в основном выздоравливающих, формирование шло медленно из-за отсутствия лошадей, упряжи и обоза). Жданов также заявил Вацетису о благоприятной обстановке на Кавказе для овладения всем краем и о важности захвата Гурьева¹⁷¹. Однако, несмотря на эти просьбы, главком подтвердил необходимость переброски всей 33-й дивизии в указанный район. Вацетис отметил, что свои собственные задачи 11-я армия должна решать постепенно по мере формирования 34-й дивизии¹⁷².

1 мая состоялся разговор по прямому проводу между Ждановым и начальником Полевого штаба Костяевым, который интересовался, почему прекращена погрузка войск и почему части не отправляют по Волге. Командарм ответил, что погрузка продолжается (что, по мнению проводившего расследование тех событий генштабиста Королькова, не соответствовало действительности) и что 2 мая отправятся пять пароходов с двумя баржами каждый (в итоге отправили три парохода и четыре баржи)¹⁷³.

Вечером 1 мая Жданов направил главкому сообщения о том, что в связи с переброской 33-й дивизии на Восточный фронт в распоряжении командарма-11 не останется войск для намеченных сухопутных и морских операций. Командарм телеграфировал: «Получили Ваше последнее указание по прямому проводу, изменяющее телеграмму № 1844/оп и требующее отправки всей 33 дивизии [в] полном составе, что и исполняется, докладываю, что одиннадцатая армия остается без войск и до получения обещанных Вами пополнений вооружения и всего необходимого для снабжения 34 дивизии, ибо все отдано в 33 дивизию, я не имею возможности: 1. Приступить к дальнейшему развитию операции на Черный Рынок-Святой Крест, а также и Гурьев, подготовительные работы которого уже начаты и частично выполнены. 2. Необходимо Ваше указание Каспийской флотилии, занявшей форт Александровский и начавшей операции на

Петровск, ввиду того, что с уходом 33 стрелковой дивизии главная база флота и единственный его тыл Астрахань не обеспечена и кроме десантного отряда четырехста человек, предназначенных для захвата Петровска и находящегося в море для совместных действий с флотом дать ничего не можем, между тем, как вслед (в документе ошибочно – «всеми». – А.Г.) за захватом Петровска в целях закрепления этого района надлежит немедленно же направлять туда войска»¹⁷⁴.

К 1 мая 1919 г. в армии оставалось всего 5787 штыков, 1655 сабель, 284 пулемета, 28 орудий, 6 бомбометов и минометов, 6 аэропланов, аэростат, 5 броневых автомобилей, бронепоезд, 4968 лошадей, 14 704 человека¹⁷⁵. Между тем, 2 мая флот занял Форт Александровский. Тогда же в РВСР с копиями В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому председателем РВС 11-й армии Механошиным были направлены соображения о крайне затруднительном для 11-й армии положении в связи с переброской 33-й дивизии и с промедлением в пополнении людьми и снаряжением сформировавшейся 34-й дивизии¹⁷⁶.

Механошин с тревогой телеграфировал: «С отправкой 33 дивизии происходит какое-то страшное недоразумение, выяснить которое нужно немедленно, ибо, выполняя [в] точности приказ Главкома, мы через несколько дней оставим фронт армии без войск и вынуждены будем 1. прекратить все операции на Черный Рынок и Кизляр, 2. отказаться от захвата Гурьева и Ракуши, где есть нефть, 3. поставить флот в безвыходное положение, т. к. кроме уже отправленного десантного отряда в 400 человек для захвата Петровска, мы не только не сможем дать войска для удержания Петровска и обороны базы флота, но даже единственный тыл и главную базу флота Астрахань оставили без достаточной охраны. Между тем, как почти все подготовительные работы для всех операций закончены и начато уже выполнение поставленной армии главной задачи добыть нефть. Недоразумение заключается [в] следующем. 1. При определении численности войск, подлежащих отправке [на] востфронт, без ущерба XI армии нельзя целиком исходить их предложения Реввоенсовета тел. № 62/сек, т. к. подкрепление 10 армии означают участие их в операции на Кавказ и до некоторой степени обеспечение своевременное приближение (так в документе. – А.Г.) Красной армии к Каспию и тем самым облегчало действия на побережье и, соответственно, сокращало численность этих войск. 2. Расчет на возможность быстрого формирования 34 дивизии строился на обещанных пополнениях маршевыми ротами так же, как предполагалось укомплектование 33 дивизии до полного состава, между тем, как пополнение, так и снабжение до сих пор не получено, поэтому и теперь возможность сформирования 34 дивизии ничем не обеспечена и заменить собой части 33 дивизии для действий на побережье десантов не может. 3. Главком[ом] [в] телеграмме № 1844 от 22 апреля в ответ на вопрос, какие части должны остаться [в] XI армии указывается, что отправка 33 дивизии должна находиться [в] строгом соответствии [с] остающимися час-

тями и к моменту окончания отправки, в XI армии должны остаться вполне боеспособные части 34 дивизии, также указывается, что принятая в происходящих операциях группировка войск не должна нарушаться, и подлежащие отправке части предварительно надлежит заменить вновь сформированными, что по изложенным вновь причинам не представляется возможным; переданная же по прямому проводу генштаба Токаревским резолюция Главкома от 29 апреля указывает, что следует развивать операции лишь постепенно, по мере заканчивания формирования 34 дивизии. 4. Телеграмма 1844 от 23 апреля давала возможность оставления в XI армии некоторого минимального количества войск, последующие же телеграммы вновь ставят армию [в] безвыходное положение. Еще раз подтверждая точное исполнение приказа Главкома, выразившееся в отправке 33 дивизии в указанный срок именно 25 апреля и что ни малейшей задержки в отправке не может быть допущено, и к указанному сроку 10 мая вся дивизия будет переброшена в район сосредоточения, в то же время ставлю [в] известность, что вообще отправка дивизии отвлекла нас как раз в момент начала действий и неизбежно нарушила наш план, отсутствие же точности в распоряжении Полевого штаба ставит армию в совершенно невозможное положение и служит основанием для обвинений нас в бездеятельности. Положение сейчас таково. 1. Флот начал операции, заняв форт Александровский, столь важную базу и стратегический пункт и приступает к движению на Петровск, десантный отряд уже в море. 2. Установленная связь с Петровском и Баку позволяет координировать действия нашим организациям, политич[еское] положение [в] Баку и Дагестане требует немедленного нашего наступления, к которому мы и приступили. 3. Подготовка движения на Кизляр обязывала и давала возможность немедленно развить операции [на] этом направлении, к чему и было приступлено. Вполне сознавая необходимость подкрепления [на] Вост[очном] фронте, тем более, что положение его правого фланга ставит прямую задачу перед XI армией, в то же время необходимо совершенно оставить в XI армии часть 33 дивизии, именно первую бригаду, специально подобранную [по] личному своему составу и подготовленную для десантных дивизий для выполнения поставленных ей задач. Ответ должен быть исчерпывающим по своему содержанию и исключаяющим возможность разных толкований, т. к. при нашем понимании предыдущих распоряжений и точного исполнения одиннадцатая армия фактически перестанет существовать»¹⁷⁷. Таким образом, решения центра срывали готовившиеся операции на Каспии.

В связи с сигналом от Механошина в дело вмешался В. И. Ленин, телеграфировавший Э. М. Склянскому 2 мая: «Это очень важно; надо оставить им часть 33 дивизии и немедленно добиться архиточной телеграммы об этом от Вацетиса в Астрахань»¹⁷⁸. Под таким давлением Вацетису ничего не оставалось, как пойти на уступки. 2 мая он разрешил временно оставить в распоряжении коман-

дарма один полк 33-й дивизии (это распоряжение Вацетис письменно подтвердил 6 мая¹⁷⁹), но при этом срочно продолжать переброску всех остальных частей дивизии и конную бригаду в назначенный район. Кроме того, главком подтвердил необходимость принять все меры для ускорения формирования 34-й дивизии и прочих частей¹⁸⁰. 2 мая Жданов отдал приказ отправить по Волге конницу, авиационные и бронетриды¹⁸¹.

3 мая руководство 11-й армии продолжило продавливать свои предложения. Жданов сообщал тогда Костяеву, что «за уходом 33 стрелковой дивизии и бригады 7 кавалерийской дивизии, в моем распоряжении в настоящее время не остается ни одной войсковой части; рассчитывать же на сформирование частей в ближайшее время нет никаких оснований, так как Центр не присылает ни пополнений, ни предметов снабжения»¹⁸². В армии оставались формировавшаяся 34-я дивизия, Калмыцкая дивизия, бригада Д. П. Жлобы и железнодорожный полк. Всего 4141 штык, 1421 сабля, 162 пулемета, 18 орудий, 2 бомбомета и миномет¹⁸³. Жданов просил оставить в армии первую бригаду 33-й дивизии и 7-ю кавалерийскую дивизию¹⁸⁴, однако главком на это не согласился.

4 мая главком предписал в виду временного ослабления состава 11-й армии впредь до приведения в боевую готовность ее частей, необходимых для выполнения операции в районе Петровск–Кизляр–Величавое, держать связь с левым флангом 10-й армии и наблюдать пространство между западным берегом Каспийского моря и левым флангом 10-й армии. Боевые задачи на побережье предписывалось выполнять во взаимодействии с Каспийской флотилией. Главком подтвердил необходимость срочно вести формирование 34-й дивизии, затребовав необходимое вооружение и снаряжение из 10-й армии¹⁸⁵. В тот же день части армии заняли, а затем оставили Величавое. Того же 4 мая член РВС армии Механошин потребовал от Жданова срочно разработать план действий 11-й армии для выполнения операций на Гурьев, Кизляр и Грозный, развития петровской операции и операции на Баку. Требовалось составить два варианта плана – из оценки операции и из имеющегося минимума сил. Таким образом, задача занятия Баку рассматривалась уже в мае 1919 г.¹⁸⁶ Тогда же генштабист Корольков, состоявший при Механошине, составил доклад о мерах для проведения гурьевской операции по содействию 4-й армии Восточного фронта¹⁸⁷.

Далее, вследствие перемены приказа главкома, а также нарушений в отправке дивизии началась путаница и неразбериха. 5 мая Вацетис приказал 3-ю бригаду 33-й дивизии, следующую Волгой (по мнению Ставки) до Самары (считалась отправленной на паро-теплоходе «Мария» 4 мая¹⁸⁸), направить в распоряжение командующего Южным фронтом¹⁸⁹. В тот же день начальник оперативного управления штаба армии Ригельман сообщил начальнику 33-й дивизии: «Командарм приказал перемену маршрута обязательно исполнить»¹⁹⁰. Как выяснилось, бригада была отправлена по железной дороге.

5 мая главком приказал остановить эшелоны 3-й бригады в Саратове и направить их вместо прежнего пункта назначения на станцию Миллерово с последующей передачей в распоряжение командующего Южным фронтом¹⁰¹. 6 мая начальник военных сообщений 11-й армии Еременко телеграфировал начальнику Полевого штаба Костяеву, а также представителю Центрального управления военных сообщений в Серпухове Андрееву об аннулировании перевозки 33-й дивизии на Восточный фронт¹⁰². Между тем, отправка дивизии из Астрахани к 8 мая была закончена, город покинул последний эшелон, а с 7 мая дивизия была исключена из состава 11-й армии¹⁰³. По Волге отправлены управление дивизии, три легких артдивизиона, 6-дюймовая тяжелая батарея, 48-линейная гаубичная батарея, конница, инженерный батальон, 33-й автоброневой и 36-й авиационный отряды, транспорты и тыловые учреждения дивизии. Прочие части перебрасывались по железной дороге (одна стрелковая бригада до Покровска и две – до Николаевска). Всего было отправлено 15 150 красноармейцев, 4829 лошадей, 36 легких орудий, 4 тяжелых пушки и 4 гаубицы, 298 пулеметов, бомбомет, 4 броневика, 8 аэропланов¹⁰⁴.

6 мая центр запрашивал данные для доклада начальнику Полевого штаба. Курсовик Ю.И. Григорьев выяснял, сколько полков бригады 33-й дивизии направлено по Волге и где они находятся, произведена ли погрузка другой бригады без одного полка на станцию Урбах. Как выяснилось, бригада была направлена на Николаевск в распоряжение Восточного фронта для дальнейшего движения на Самару, но ошибочно высажена на станции Мокроус. Ошибка произошла якобы из-за совпадения названий пунктов расположения этой бригады¹⁰⁵ и была исправлена.

В дальнейшем историю с высадкой на станции Мокроус расследовал Реввоентрибунал 4-й армии. Через месяц после этих событий, 8 июня 1919 г., председатель Реввоентрибунала 4-й армии телеграфировал начальнику военных сообщений 11-й армии: «Прошу немедленно ответить на телеграммы [предвоенного трибунала] юж[ной] группы Жилинского № 2888 и 3210: Что Вами было предпринято по выполнении приказа главкома о переброске 33[-й] див[изии] из Астрахани в Николаевск, чьим распоряжением див. высажена в Мокроусе. Ответ направить в реввоентрибунал 4[-й] армии. Срочности требует Реввоенсовет Республики № 820. Предвоенного трибунала 4[-й] армии] Ельтман»¹⁰⁶. Однако расследование ничего не дало, т. к. лицо, отдавшее приказ о высадке, установлено не было, а перевозка осуществлялась по требованиям командования¹⁰⁷. Таким образом, это могла быть как случайная несогласованность, так и саботаж.

Тем временем 6 мая, начальник штаба армии потребовал от начдива-33 направить одну бригаду на Саратов и далее на Миллерово¹⁰⁸, передав телеграмму Костяева от 5 мая: «Бригаду 33 дивизии, следующую Волгой до Самары, Главком приказал остановить [в] Саратове, оттуда желдоромой направить на Милле-

рово и далее [в] распоряжение Командюж Гиттиса. Своевременность выгрузки караванов в Саратове возлагается на Цупвосо и Штаб вост[очного] фронта»¹⁹⁹.

6 мая в оперативное отделение штаба 11-й армии поступили данные из управления начальника военных сообщений армии о том, что все стрелковые полки, кроме 289-го и 297-го, временно оставленных в Астрахани до особого распоряжения, отправлены. По Волге на пяти паро-теплоходах и 15 баржах при 7 буксирных пароходах отправлены вспомогательные технические части: 6-дьюймовая гаубичная батарея, 33-й автобронеполк, 36-й авиаотряд, инженерный батальон, санчасть, 33-й отдельный кавалерийский дивизион, 48-линейная гаубичная батарея. Головная часть этих сил уже должна была достигнуть Камышина. Начдив перемещался в Саратов на пароходе «Раскольников». В переброске войск были задействованы пароходы «Большевик», «Луч», «Красноармеец», «Мария», «Саруханы», «Кулибин», «Бурят», «Чернигов», «Рубин», «Комета», «Посланник» и «Крепыш»²⁰⁰.

Первый эшелон полков находился на станции Мокроус и, возможно, следовал по железной дороге на Николаевск²⁰¹. В Полевой штаб РВСР в Серпухов Вацетису сообщили, что в район Самары выступил последний эшелон 1-й бригады, а 3-я бригада проследовала через Урбах–Николаевск. Неправильно высаженную на станции Урбах бригаду перебрасывали второй день в Николаевск²⁰².

Начальник Центрального управления военных сообщений (ЦУПВОСО) М. М. Аржанов еще 1 мая приказал перебросить бригаду 33-й дивизии по Волге²⁰³. А командарм Жданов распорядился провести дознание по содержанию телеграммы Вацетиса № 2196²⁰⁴. Однако ни одна из бригад по Волге отправлена не была, поскольку указания шли не напрямую командарму Жданову, а через ЦУПВОСО. Телеграмма от начальника штаба армии попала к начальнику военных сообщений. В итоге начальник дивизии требовал подвижной состав, а начальник военных сообщений армии готовил баржи и пароходы. Водным путем отправились только вспомогательные части и 7 мая штаб дивизии. Части были направлены в район Красный Кут–Ершов–Покровск. Однако для направления их на станцию Миллерово требовалось перебросить войска с левого берега Волги через Саратов–Ртищево–Балашов–Поворино–Лиски²⁰⁵.

Обстоятельность переписки по поводу отправки 33-й дивизии, казалось бы, не дает повода усомниться в добросовестности командования 11-й армии. Дивизия насчитывала 12 159 человек, 2847 лошадей, 41 верблюда, 836 повозок, 4 мотоцикла, 10 автомобилей, 16 орудий²⁰⁶. В другом документе, однако было указано о наличии в дивизии только 2795 человек, 713 лошадей, 41 верблюда, 119 голов рогатого скота, 204 повозок, 7 автомобилей, 6 орудий²⁰⁷. Численность третьей бригады дивизии резко сократилась вследствие тифа. Бригада была сведена в полк, а затем в батальон²⁰⁸, позднее вошедший в полк 34-й дивизии. Имущество терялось и при отправке эшелонов. Согласно рапорту коменданта стан-

ции Астрахань-1 начальнику дивизии с копией в РВС 11-й армии от 6 мая 1919 г. эшелон 290-го полка открыл пулеметный огонь при отходе со станции и в ее пределах. По отходе эшелона на станции были подобраны 4 патронташа с 210 патронами, ящик с патронами, два ящика с артиллерийскими принадлежностями и один снаряд. Все имущество доставлено в ЧК²⁰⁹. При погрузке 1-й бригады дивизии 6 мая наблюдалось много женщин, грузили предметы небоевого назначения, наблюдалась неорганизованность²¹⁰.

7 мая была объявлена телеграмма председателя РВСР Л. Д. Троцкого о назначении новых членов РВС 11-й армии (И. С. Кизельштейна, С. М. Кирова и С. П. Медведева). На следующий день был объявлен боевой приказ № 005/оп по войскам и флоту армии о задаче армии поддерживать связь с 10-й армией и наблюдать пространство между Каспием и левым флангом 10-й армии. Задачу овладеть районом Петровск-Кизляр-Величавое-Гурьев требовалось выполнять совместно с флотом²¹¹. На рейде Форта Александровского находился десант для направления в Петровск.

8 мая произошел разговор между Ждановым и начальником Полевого штаба Костяевым: «Костяев: Здравствуйте, Николай Александрович! Сейчас получена телеграмма от начвоса XI, [в] которой указывается, что перевозка 33 дивизии аннулируется, ибо ей будет дано другое назначение. Такой телеграммы от Полевого штаба никогда не исходило, и я прошу немедленно произвести строжайшее расследование, на каком основании начвоса XI дал такую телеграмму. Кроме того, немедленно мне сообщите, сколько полков идет водою и сколько перебрасывается и переброшено по ж. д., так как тут тоже какая-то путаница, ибо мне сообщили, что водою перебрасывается две бригады. На самом деле должна водою перебрасываться лишь одна бригада. Главком приказал немедленно прибыть бывшему начальнику 33 дивизии в Серпухов. Вообще должен заметить, что работа штаба XI армии заставляет желать много лучшего. Этот штаб совершенно [Полевой] штаб не держит [в] курсе о проведении в жизнь наших заданий, и мы с большим трудом принуждены требовать нужные сведения. Пока все. Костяев.

Жданов: Здравствуйте, Федор Васильевич! Это для меня новость. Перевозку никто не отменял. Сейчас пришлю исчерпывающие телеграммы. Все.

Костяев: Ждем»²¹².

К полноценному расследованию неясных обстоятельств переброски дивизии подключился и начальник ЦУПВОСО М. М. Аржанов, известный своим крутым нравом²¹³, что не замедлило отразиться на оперативных документах. Материалы расследования докладывались главкому. 8 мая Аржанов обратился к начальнику военных сообщений 11-й армии: «Записка

Я Начальник военных сообщений Республики Аржанов. Позовите к аппарату Начвоса 11 армии и передайте ему следующее: 8 мая 20 часов 2 минуты.

Москва. Приказываю объяснить, почему Вы дали начальнику Полевого штаба депешу об аннулировании важных перевозок тридцать третьей дивизии, не адресовав ее копии мне. Кто Вам дал право аннулировать, то есть отменять перевозки? Отчего я не получаю от Вас никаких докладов о ходе перевозок, тогда как Вы обязаны это делать сами без напоминаний. Доложите немедленно, какая бригада по номеру пошла водой и какая сухим путем. Сколько пошло по воде – одна или две, если пошла одна по воде и одна по железной дороге, то согласно депеши Главкома сего числа № 2150/оп [в] распоряжение Командюж должно быть направлено две бригады. Предлагаю ежедневно к полуночи докладывать мне о количестве отправленных эшелонов за сутки как по жел[езной] дороге, так и водой. Ответственность за доклад возлагаю персонально на Вас. Независимо всего телеграфируйте мне ваш служебный стаж до занятия должности За²¹⁴ 11. Первый доклад ожидаю сегодня. Зр²¹⁵ Аржанов»²¹⁶.

В тот же день с бригадами 33-й дивизии было направлено по дивизиону артиллерии и средства связи²¹⁷. Между тем, армейское начальство жаловалось на нехватку имущества для развертывания армии²¹⁸. С передачей 33-й дивизии армия теряла и ценное инженерное имущество, поскольку почти все инженерные силы были сосредоточены в этой дивизии. По сути, армия лишалась инженеров. В результате в апреле была предпринята попытка оставить в армии хотя бы саперную роту для 34-й дивизии²¹⁹. Подобные действия, направленные на сохранение боеспособности армии, вполне могли выглядеть со стороны как саботаж и невыполнение приказов.

8–9 мая Вацетис потребовал переброски в распоряжение командующего Южным фронтом уже двух бригад 33-й дивизии. Их предписывалось перебросить по Волге и высадить в Царицыне, а далее направить по железной дороге через Поворино–Лиски на станцию Миллерово.

8 мая Жданов телеграфировал в Серпухов о результатах собственного расследования: «Произведенное мною расследование показало, что начвосо 11 Еременко была действительно 6 сего мая отправлена телеграмма № 44, [с] сообщением, что все распоряжения по перевозке 33 дивизии [в] район Восточного фронта Николаевск и Самара аннулируются. Еременко [в] служебной командировке, по прибытии его будет произведено расследование. Что бы ни дало это расследование, сообщаю Вам, что отправка 33 дивизии из Астрахани закончена и произведена следующим порядком: Волгой отправлены управления дивизии, 3 легких артиллерийских дивизиона, 6-дюймовая тяжелая, 48-линейная гаубичная батарея, конница, инженерный батальон, 33 автоброневой и 36 авиационный отряды, транспорты и тыловые учреждения дивизии. Прочие части дивизии отправлены железной дорогой – одна стрелковая бригада до Покровска, а прочие 2 до Николаевска: 290, 291 стрелковые полки, саперная рота 1 бригады и рота связи той же бригады, 292, 293, 294 стрелковые полки,

саперная рота 2 бригады, рота связи и полевой склад той же бригады, 295, 296 стрелковые полки, рота связи той же бригады и руженой (так в документе, возможно, «ружейный». – А.Г.) пулеметный парк той же бригады, итого отправлено 15150 красноармейцев, 4829 лошадей, 36 легких орудий, 4 тяжелых пушки и 4 гаубицы, 298 пулеметов, 1 бомбомет, 4 броневика и 8 аэропланов»²²⁰.

Согласно телеграммы начальника Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяева и комиссара Полевого штаба С. И. Аралова командарму-11 от 13 мая 1919 г. № 4199/ау/4367 бригады не могли быть включены в состав какой-либо дивизии фронта и не должны были менять нумерацию²²¹. 3-я бригада, предназначенная на Восточный фронт, подлежала высадке в Николаевске²²². Начальник штаба 11-й армии так формулировал итоговые указания центра: «В распоряжение командюж передается не одна бригада 33 дивизии, а две бригады 33 дивизии. Обе бригады, следующие из Астрахани, должны высадиться в Царицыне, откуда по желдороге перебросить их на станцию Миллерово. Пункт высадки по указанию командюж. Таким образом, для Восточного фронта остается лишь одна бригада, выгружается в Николаевске»²²³.

10 мая главкому донесли, что дивизия была отправлена в соответствии с указаниями, а в Астрахани оставлен с разрешения главкома 289-й полк. Кроме того, в качестве конницы с 33-й дивизией было выслано около 500 сабель, а вр. и. д. начальника дивизии П. К. Мармузов заменен М. К. Левандовским, командовавшим 7-й кавалерийской дивизией (назначение и. о. состоялось еще 6 мая, а предписание прибыть к новому месту службы для приема оперативных дел датировано 4 мая, 11 мая Мармузов был срочно командирован в Полевой штаб РВСР)²²⁴.

10 мая Вацетис телеграфировал Жданову, что согласно телеграммам Полевого штаба РВСР № 1858/оп и 110/93551 одна из пехотных бригад должна была быть переброшена из Астрахани в Самару по Волге. Между тем, все части были отправлены по железной дороге, а транспорты, артиллерия, конница, вспомогательные части по воде. Вацетис потребовал строгого расследования для выяснения виновных в неисполнении²²⁵. Скорее всего, произошла путаница вследствие большого количества взаимоисключающих распоряжений. Вместе с тем, в полной мере нельзя исключить и возможный саботаж командующего армией. Главком предписал в кратчайший срок произвести строгое расследование с целью привлечь к судебной ответственности лиц, виновных в неисполнении его приказа об отправлении одной бригады 33-й дивизии с обозом и артиллерией в Саратов по Волге²²⁶.

К 15 мая в армии насчитывалось 7850 штыков, 1512 сабель, 214 пулеметов, 29 орудий, 6 бомбометов, 6 аэропланов, 2 аэростата, 5 бронеавтомобилей, бронепоезд, 3211 лошадей, 15 404 человека²²⁷. В тот же день начальник Полевого штаба РВСР запрашивал штаб армии о ходе формирования 34-й дивизии²²⁸.

Южный фронт ждал подкреплений и попытки командования 11-й армии задержать войска воспринимались, видимо, болезненно. Жалобы шли сразу главному. Так, командующий Южным фронтом В. М. Гиттис сообщил Вацетису, что Жданов, кроме разрешенного главнокомом оставления в Астрахани полка, из 1-й бригады 33-й дивизии выделил и оставил в Астрахани по три лучших роты 290-го и 291-го полков, а также роту связи с радиостанцией из батальона связи. В частях дивизии недосчитались 50% обоза и лошадей. Оставлялись и ценные кадры. Так, начальник штаба дивизии за два дня до отправки был назначен военруком в Астрахань. 17 мая Вацетис потребовал все вернуть в дивизию в 24 часа, выслав по железной дороге на Царицын²²⁹.

16 мая возмущенный историей с переброской дивизии главноком Вацетис телеграфировал Жданову: «Срочно донесите, на основании каких распоряжений Вами были произведены после моего приказа Алмаз (так в документе. – А.Г.) для переброски на Вост[очный] фронт выделение из частей 33 дивизии и ослабление их, а также перемещение командного состава, чем Вы только что сформированную дивизию не только ослабили, но и расстроили»²³⁰. Вацетис приказал немедленно вернуть в дивизию все части и ответственных работников, изъятых из нее к моменту отправки на фронт²³¹. Вместе с тем, центр запрашивал, какие силы могут быть выделены для действий в Новоузенском направлении.

18 мая Вацетису были представлены объяснения об обстоятельствах отправки дивизии. Жданов не только отверг все претензии Вацетиса, но и вновь упрекнул центр в обескровливании армии. Командарм отметил, что роты были взяты на пополнение нехватки в 1000 штыков в оставшемся полку из 290-го и 291-го полков (Жданов воспользовался разрешением оставить полк полного состава, а некомплект он изъял из отправлявшейся дивизии, причем взяты были шесть лучших рот²³²), не нарушая организации полков и батальонов, т. к. армия готовила десант на Петровск, для чего требовались войска. Рота связи с радиостанцией были созданы еще в 12-й армии, поэтому связь осталась на прежнем боевом участке до формирования таковой в 34-й дивизии, кроме того, связь обслуживала 7-ю кавалерийскую дивизию, удаленную от командования армии на 200–300 верст. Весь обоз был отправлен полностью, но «не нужно закрывать глаза на то, что с 15 февраля, как только мы здесь находимся, ни одна повозка центром армией не была предоставлена, несмотря на то, что Предреввоенсоветом 11 Мехоношиным было заказано тысяча повозок [в] начале февраля для Кас[пийско-]Кав[казского] фронта, которые и были саратовским губсовнархозом заготовлены, но центр не дал на них наряда до сего времени»²³³.

Жданов сообщил, что начальника штаба дивизии также не переназначали за два дня до отправки, он просто возвратился на тот пост, который занимал до направления в дивизию, причем оставлен он был по ходатайству губвоенкома и с согласия начдива на несколько дней для сдачи дел. Пост начальника штаба

дивизии он занимал несколько дней, а прежде временно исполнял должность начальника штаба армии. Начдив Мармузов был отстранен из-за неуравновешенности и отсутствия опыта²³⁴.

20 мая телеграмма № 161/СК о положении в 11-й армии Ждановым была отправлена напрямую В. И. Ленину²³⁵. Сделано это было в обход главкома Вацетиса, который 24 мая потребовал от армейского начальства объяснений²³⁶. 21 мая директивой Вацетиса 11-я армия была лишена статуса отдельной и вместе с Каспийской флотилией с 26 мая подчинена Южному фронту²³⁷. Позднее армия подверглась расформированию, а ее части были включены в состав 10-й армии.

Когда 23 мая частями армии было взято Величавое, на имя Жданова пришла следующая телеграмма Ф. В. Костяева с изложением требований главкома: «По сведениям Полевого штаба Вами отправлена с 33 дивизией лишь дивизионная конница. Бригада же 7 кавал[ерийской] див[изии] Вами удержана. Главком приказал донести им (так в документе. – А.Г.), чем это вызвано и кто Вам разрешил так поступить и приказать немедленно отправить на присоединение к 33 дивизии все задержанные без разрешения главкома части, а также бригаду 7 кавалерийской дивизии. Время отправления сорок восемь часов. Пехота должна быть направлена на Южный фронт...»²³⁸.

Из Астрахани сообщали, что кавалерия 33-й дивизии и бригада 7-й кавалерийской дивизии были отправлены из Астрахани еще 4 мая на барже № 142 при пароходе «Мария» и на барже № 6 при пароходе «Саруханы»²³⁹. В этом контексте неясно, почему тогда же Жданов сообщил по прямому проводу командующему Южным фронтом В. М. Гиттису, что распоряжение об отправке всего задержанного без разрешения главкома из 33-й дивизии уже выполнялось, однако бригада 7-й кавдивизии находилась в соприкосновении с противником и не могла быть переброшена на соседний фронт без оставления фронта Серебряковская–Величавое²⁴⁰. Сам Жданов показывал белым, что вместо одной бригады 7-й кавалерийской дивизии «послал 2 неполных эскадрона, ответив, что вся конница на фронте, где было всего два сильных разъезда (по 150 коней), а остальная конница более полка была в Оранжерейной и Логани и Серебряковской, ничего не делает»²⁴¹. Затягивал Жданов и отправку роты связи. Для усиления путаницы полк 33-й дивизии, стоявший в Михайловке, Жданов переподчинил 34-й дивизии. В определенной степени его показания белым соответствуют оперативной переписке штаба армии и ходу событий. По всей видимости, приказ главкома все же выполнен не был. В данном случае, если Жданов действовал как саботажник, он наверняка старался оголить фронт, воспользовавшись распоряжением центра и тянуть время.

В те дни армия находилась в сложном положении. Флот после столкновения с противником на Каспии у Форта Александровского 21 мая потерял часть судов и оставил базу – Форт Александровский, оказался непригоден для активных

операций на Петровск и Баку. Теперь ему ставилась лишь задача охраны дельты Волги и обороны подступов к Астрахани²⁴².

Штабом Южного фронта бригаду 7-й кавалерийской дивизии было разрешено временно оставить в армии²⁴³. Однако выдергивание частей из ослабленной армии продолжалось, при этом ей ставились активные задачи. По сути, армия воспринималась главным командованием как резерв для латания дыр на Восточном и Южном фронтах. Так, 25 мая обсуждался вопрос взятия Гурьева. Но тогда же вр. и д. начальника штаба Южного фронта В. Ф. Тарасов телеграфно распорядился об отправке 289-го полка 33-й дивизии в Царицын по Волге²⁴⁴. 26 мая приказ повторил командующий Южным фронтом, потребовавший отправить полк в 24 часа со всеми командами и обозами. 289-му полку предписывалось придать одну легкую и одну тяжелую батареи²⁴⁵. Полк был отправлен в ночь на 28 мая в Царицын по Волге²⁴⁶. 26 мая начальник штаба Южного фронта и командующий фронтом²⁴⁷ приказали немедленно перебросить в Царицын в распоряжение командующего 10-й армией 297-й полк, однако командующему сообщили, что распоряжение выполнено быть не может, т. к. такого полка в армии якобы не существовало²⁴⁸. После всех ослаблений к 1 июня в 11-й армии насчитывалось только 6811 штыков, 1561 сабля, 224 пулемета, 26 орудий, 6 аэропланов, 2 аэростата, бронепоезд, 4 бронеавтомобиля, 3136 лошадей и 20 290 человек²⁴⁹. Астраханско-Каспийская военная флотилия насчитывала 3 крейсера, 5 эсминцев, 3 миноносца, 7 истребителей, 2 плавучих батареи, воздушный дивизион²⁵⁰.

Между тем, конфронтация командования и РВС армии с главкомом не прекращалась. В начале июня 1919 г. Вацетис и Костяев были недовольны тем, что бригада 7-й кавалерийской дивизии удерживалась Ждановым, а с 33-й дивизией была отправлена только дивизионная конница²⁵¹. Однако РВС 11-й армии во главе с К. А. Механошиным, в свою очередь, возмущался прессингом Серпухова в связи с переброской 33-й дивизии. Коммунисты 11-й армии даже заявили, что не могут работать в военной организации²⁵². Более того, 1 июня Механошин обвинил Полевой штаб РВСР в преступных действиях, ведущих «к механическому падению Астрахани», т. к. войска забирали из армии постоянно²⁵³. Влиятельный большевистский военный деятель требовал, чтобы Полевой штаб учитывал мнение фронтовых и армейских РВС²⁵⁴.

В истории с 33-й дивизией Жданов, если верить его показаниям, сыграл на несогласованности распоряжений советского командования. Так, главком И. И. Вацетис приказал отправить 33-ю дивизию на Восточный фронт по железной дороге, но потом изменил приказ и распорядился бросить ее на усиление 10-й армии А. И. Егорова, сражавшейся в районе Царицына, отправив войска по Волге. Телеграмма с отменой приказа была передана Механошину (военспецу Жданову не доверяли знакомиться с такими документами первым), однако

Жданов не изменил приказ. Как следствие, одна бригада дивизии была направлена по Волге в соответствии с распоряжением Вацетиса, а другая бригада перебрасывалась по железной дороге и бесцельно пробыла некоторое время на участке восточнее Красного Кута в 100 верстах к востоку от Волги, что существенно облегчило действия II Кубанского корпуса белых под командованием генерала С. Г. Улагая на царицынском направлении²⁵⁵. Командующий войсками советского Южного фронта В. М. Гиттис по этому поводу назначил расследование.

Анонимный очевидец событий в 11-й армии в связи с этим отмечал, что «Жданов не выполнил этого приказа в точности. Он начал перевозку, но не тем порядком, как ему было указано (вся пехота поехала по жел[езной] дороге и не в назначенные ей районы, а на ст. Мокроус); бригаду же конницы он и совсем не отправил.

Тем временем Вацетис приказал: сначала одну бригаду, следующую по жел[езной] дороге повернуть на ст. Миллерово, а потом бригаду пехоты, перевозимую Волгой, высадить в Царицыне и передать на Южный фронт.

Поправить сделанные ошибки оказалось делом не легким: части были уже в дороге, и связь Жданова с ними потеряна.

Это вызвало большую и неприятную переписку между Вацетисом и Ждановым; первый ежедневно требовал от второго донести, почему им не исполнено то или другое из указанного выше приказа.

В результате Жданов был устранен от командования армией; но попали ли части 33 стр[елковой] дивизии в пункты, указанные Вацетисом, мне неизвестно..., вся энергия Жданова употреблялась на оправдание себя в глазах Вацетиса»²⁵⁶.

Нельзя не отметить, что объяснение причин саботажа нерешительностью командарма было выгодно, прежде всего, самому Жданову, возможно сознательно топившему серьезные начинания в бюрократической волоките и дебатах.

Не позднее середины мая 1919 г. в Астрахань для проверки состояния армии приехал председатель 59-й комиссии Высшей военной инспекции бывший Генштаба генерал-лейтенант Г. К. Корольков. Как известно, инспекция занималась проверкой РККА и выявлением недостатков в ее организации. Кроме того, по свидетельству Жданова, Корольков должен был сформировать отряд для действий против Гурьева, где имелись огромные нефтяные запасы (12 млн пудов).

По оказавшемуся справедливым предположению Жданова, Корольков проверял его работу. Именно Корольков осуществил расследование и 15 мая представил К. А. Механошину подробный доклад об обстоятельствах отправки 33-й дивизии. Генштабист провел сопоставление всех документов, резолюций и показаний опрошенных лиц по этому вопросу. Вывод его был следующим: «Война требует хорошо слаженного штаба, работающего как часы. Своевременность по-

лучения в частях распоряжений требует большой и вдумчивой работы без трений. Игнорирование штаба армии при отдаче оперативных распоряжений недопустимо (здесь и далее – разрядка документа. – А.Г.) и потому отдача командармом всех распоряжений непосредственно и минуя штаб является служебным упущением. План перевозки 33 дивизии должен был [быть] заготовлен после получения депеши из ставки 16 апреля – этого сделано не было.

Этот план мог быть составлен и 20–21 апр[еля] по получении окончательного распоряжения об отправке, но и этого не было. План надо было составить штабу армии при участии штаба дивизии. На самом деле составление плана было поручено начдиву. От этого план перевозки был не полон и получен начвосо лишь 25 апр[еля], т. е. в день погрузки. Первоначальные требования подвижного состава штабом 33 дивизии давались самые неопределенные и надо удивляться как мало было трений на этой почве.

Отсутствие плана, выработанного штабом армии, повело ко всем остальным недоразумениям при отправке 33-й дивизии.

Необходимо (разрядка документа. – А.Г.) дать штабу армии работать планомерно и ни одного распоряжения не делать помимо [н]его. Только при этом условии будет обеспечена правильность и своевременность всех распоряжений, что составляет половину успеха всякого дела»²⁵⁷.

Если приставленный к Жданову комиссар Баландин не разбирался в военных вопросах, и Жданов при нем мог отдавать практически любые распоряжения, то генштабист Корольков являлся знатоком военного дела и мог разоблачить враждебные действия. Тем не менее, то ли в силу генштабовской этики и корпоративизма, то ли не обнаружив явного саботажа, он не выдвинул в адрес Жданова обвинений в измене. Доверявший экспертной оценке Королькова Механошин мог усмотреть из доклада лишь проявления нераспорядительности командарма.

По свидетельству Жданова, ни в одной другой армии не было должности главного комиссара, только комиссар штаба армии, поэтому Жданов решил свернуть свою подпольную работу. К тому же начались бои в непосредственной близости от Астрахани, участвуя в которых командарму пришлось бы помогать большевикам. Насколько можно верить его, конечно же, ангажированным показаниям перед белыми, он принял решение уйти со своего поста по болезни. В период следствия, проводившегося белыми осенью 1919 г., Жданов рассчитывал, что Астрахань вот-вот падет и все сказанное им документально подтвердится»²⁵⁸. Однако красные смогли удержать этот стратегически важный пункт.

Генштаба полковник А. С. Нечволодов, перебежавший к белым, 22 сентября (5 октября) 1919 г. показал в Ростове-на-Дону:

«1) Удостоверяю, что при переброске, согласно приказания Главкома Вацетиса, 33^а дивизии из Астрахани в район армии т. Егорова – была допущена та-

кая путаница, которая сильно замедлила прибытие этой дивизии в назначенный район.

Одна бригада ее была направлена по р. Волге, а другая по жел[езной] дор[оге], причем последняя была заслана в сторону от Волги на Восток верст на 100.

Ввиду такого опоздания прибытия 33^а дивиз[ии] и имевшего место нарушения ее организации при отправке – Главкомом было назначено расследование этого дела. Немного позднее, в начале июля ген.-м. Жданов выехал в Москву.

2) В мае мес[яце] при г[енерал]-м[айоре] Жданове боевых (серьезных) операций в XI^а армии не велось.

3) После ревизии т. Корольковым (б. Генерал[е] Ген[ерального] штаба) деятельности г[енерал]-м[айора] Жданова к последнему был назначен особый комиссар т. Баландин.

4) Как образчик отношения г[енерал]-м[айора] Жданова к интересам Красной армии могу отметить назначение им бывшего писаря Корта – начальником 7 кав[алерийской] дивизии»²⁵⁹.

Как отмечал очевидец, «Жданов, учитывая все обстоятельства, просил освидетельствовать состояние его здоровья на предмет увольнения от должности; ходатайство его было уважено; комиссия астраханских врачей признала Жданова неспособным к занятию строевых должностей; после чего Рев[олюционный] Воен[ный] Совет армии приказом по армии возложил командование армией на вр. и. д. нач[альника] 34[-й] стр[елковой] дивизии [А. С.] Смирнова.

Это произошло в последних числах мая.

Смирнов немедленно же вступил в командование армией»²⁶⁰.

И действительно, 23 мая Жданову старшим врачом Астраханской губернской больницы была выдана справка о том, что у бывшего генерала сильные головные боли, ослабление слуха и зрения, ограничение движения верхних и нижних конечностей вследствие трех контузий, причем с наступлением жаркого времени боли усиливались до того, что он даже не мог иногда работать²⁶¹. В акте медицинского освидетельствования, подписанном 29 мая начальником санитарной службы 11-й армии доктором Паевским, отмечалось, что Жданов годен только к службе в глубоком тылу в мирное время и при климатических условиях без резких колебаний²⁶². С 1 июня считался больным и начальник штаба армии бывший Генштаба генерал-майор А. Ф. Кадошников, которого временно заменял Ригельман²⁶³.

30 мая 1919 г. приказом войскам 11-й армии и Каспийскому флоту РСФСР № 369 Жданов вследствие поданного рапорта был освобожден от должности командующего 11-й армией по болезни. Его временным преемником стал начальник 34-й стрелковой дивизии А. С. Смирнов. Комиссар 34-й дивизии Ю. П. Бутягин был назначен комиссаром штаба армии. Приказ подписали председатель РВС армии Механошин и член РВС Киров²⁶⁴. По приказанию председателя

РВСР Л. Д. Троцкого командующим 11-й армией стал начальник штаба Кадошников²⁶⁵. 3 июня Жданов сдал командование²⁶⁶. Кадошников 9 июня телеграфировал начальнику штаба Южного фронта Н. В. Пневскому относительно командования в штаб фронта: «[По] состоянию здоровья нуждаюсь [в] отдыхе, почему [в] настоящее время принять Ваше предложение не могу»²⁶⁷. Возможно, отказ был связан с недавними событиями в армии и боязнью расследования.

Постановлением РВСР от 4 июня 1919 г. 11-я армия была упразднена, а ее войска с 10 июня переданы в состав 10-й армии²⁶⁸. Управление войсками передавалось в штаб 34-й дивизии²⁶⁹. По мнению Троцкого, сообщенному 5 июня в ЦК, нужно «строжайше воспретить работникам 11-й армии разбежаться. Все они должны поступить в распоряжение Реввоенсовета Южного фронта»²⁷⁰. Архив штаба армии в июне был сдан в тюках в штаб Южного фронта²⁷¹.

Отправился в штаб Южного фронта и К. А. Механошин. Как принципиальный большевик он не мог не сообщить о своих впечатлениях на самый верх. В архиве Механошина сохранился черновик его телеграммы В. И. Ленину о произошедшем, который представляет немалый интерес как в рамках данной темы, так и в целом для понимания источников оценки Лениным ситуации в РККА в тот период. Механошин сообщал: «Москва. Кремль, товарищу Ленину. Положение на Юж[ном] фронте не позволяет мне уделить время, хотя бы для краткого доклада и тем более приехать в Москву [для] доклада Цека. Между тем, мои предположения относительно частью ошибочной, частью преднамеренно лживой информации вас и центрального комитета партии в вопросе наших операций по овладению Каспием и Кавказом, что привело центральный комитет к неодобрению работы как раз тех товарищей, которые в точности выполняя директивы ЦК, безусловно, правильным путем шли к главной цели, подтвердились полностью – белогвардейская сволочь, пользуясь постоянным отсутствием тов. Троцкого, по причинам совершенной непригодности, канцелярской сущности, разгильдяйства и заскорузлomu бюрократизму тех товарищей, на которых наша партия возложила ответственность за действительное осуществление контроля в высших военных учреждениях, творит свое гнусное дело безнаказанно, применяя самые разнообразные приемы. Многомесячный опыт работы на фронтах, где я нахожусь буквально с июня прошлого года, опыт работы в Наркомвоен с самого начала учреждения этого комиссариата, знание старой империалистической армии привели меня к глубочайшей уверенности в изложенном выше. Вот факты, не требующие никаких пояснений. Первое. Чем можно объяснить, что Полевой штаб, имея совершенно точные сведения о положении на Кас[пийско-]Кав[казском] фронте, отдает приказ об отправке 33 дивизии, уверяя Совет обороны в полной обеспеченности этого района в то время, когда дивизия уже частично исполняла боевой приказ [по] наступлению на Кизляр. Второе. По каким причинам часть этой дивизии, как это мы предлагали,

не была передана в 10 армию в момент, когда эта армия была готова нанести удар на Ростов и Новочеркасск с тыла и захватить ст. Тихорецкую. Третье. Почему 33 дивизия, это с трудом организуемое войсковое соединение, раздирается на части (одна бригада на Вост[очный] фронт, две бригады – на Южфронте, один полк в 10 армии, инженерный батальон оторван от дивизии) – почему сделано все, чтобы не послать дивизию туда, куда нужно, почему сделано все, чтобы разрушить дивизию как мощное целое. Только искусная белогвардейская рука при содействии ничего не видящих и не знающих комиссаров и заместителей может так ловко творить свое контрреволюционное дело»²⁷². Как видно из документа, Механошин не подозревал в случившемся Жданова (который мог быть в какой-то степени причастен к раздергиванию частей дивизии), а возлагал вину на Полевой штаб и контрреволюционеров в нем. Вопрос о том, мог ли Механошин подпасть под влияние бывшего генерала, остается открытым. Остается открытым и вопрос о том, почему советская Ставка столько раз меняла свои распоряжения, что привело к путанице и конфликтам. Как бы то ни было, сведения Механошина, будучи доведены до Ленина, вполне могли служить одним из оснований для раскручивания летом 1919 г. дела Полевого штаба РВСР, в ходе которого были арестованы Вацетис, Костяев и их окружение²⁷³.

Жданов уехал в Москву, где некоторое время велось расследование его распоряжений в отношении 33-й дивизии, а сам он якобы болел. Как сообщал Жданов в своих показаниях белым, главком Вацетис и начальник Полевого штаба РВСР Костяев «к счастью... попали в тюрьму»²⁷⁴ (арестованы по «делу» Полевого штаба РВСР летом 1919 г.), в результате чего Жданов якобы так и остался не разоблаченным.

Завершая изложение астраханского периода деятельности Жданова, нужно отметить, что в конце июня 1919 г. чекистами был раскрыт контрреволюционный заговор в Астрахани. В руках у подпольщиков оказался список ответственных советских работников, подлежащих ликвидации в случае восстания. Как выяснилось, подпольщиками велась агитация в рабочих батальонах, а руководители заговора находились на службе в военных учреждениях, в штаб армии являлись агенты Деникина с подложными документами, через Астрахань проезжали курьеры с Белого Юга на Восток и обратно. Аресты участников заговора прошли 1–2 июля. В общей сложности было арестовано около 160 человек²⁷⁵. О связи Жданова с этой организацией данных нет. Тем не менее, в городе у него могли быть сообщники.

По распоряжению Л. Д. Троцкого и нового главкома С. С. Каменева Жданов был направлен на Украину²⁷⁶. В черновых учетных материалах РККА по кадрам Генштаба есть упоминание об откомандировании его с Южного фронта в Харьковский укрепрайон в июне 1919 г.²⁷⁷ Впрочем, вероятно, это было только на бумаге. Реально же 11 августа он выехал из Москвы в Киев в распоряжение ко-

мандующего 12-й советской армией бывшего Генштаба генерал-майора Н. Г. Семенова. Согласно приказу РВСР по личному составу армии № 177 от 14 августа 1919 г. Жданов с 1 июня освобождался от должности командующего 11-й армией и назначался в распоряжение командующего 12-й армией с боевым окладом, присвоенным по должности начальника дивизии²⁷⁸. Отправка была вызвана тем, что новый главком Каменев распорядился всех генштабистов, не занимавших должностей, направить на фронты²⁷⁹. С 17 августа 1919 г. Жданов занимал пост инспектора запасных войск в Киеве, а 26 августа получил назначение на должность начальника 2-й сводной советской дивизии, находясь на которой 17 (30) августа бежал к белым²⁸⁰. В РККА его разыскивали уже в сентябре 1919 г., однако в штабе 12-й армии его не оказалось, в итоге Жданов числился пропавшим без вести при эвакуации Киева и находящимся в неизвестном отсутствии²⁸¹.

2 (15) сентября 1919 г. Жданов должен был дать показание, почему не смог перейти на сторону белых ранее²⁸². Судебно-следственная комиссия 3 (16) октября просила начальника отдела Генерального штаба военного управления назначить экспертов из офицеров Генштаба по делу Жданова. Эксперты пришли к заключению, что на службу большевикам Жданов поступил добровольно²⁸³. 20 октября (2 ноября) было вынесено постановление судебно-следственной комиссии при штабе главнокомандующего ВСЮР о прекращении производства по делу Жданова. Однако главный военный прокурор ВСЮР генерал-лейтенант И. А. Ронжин 20 ноября (3 декабря) наложил на документ резолюцию: «Не согласен. Дело представляется гл[авнокомандую]щему»²⁸⁴.

13 (26) ноября 1919 г. в Ростове-на-Дону было составлено заключение главного военного и военно-морского прокурора по делу Жданова: «Расследование по делу устанавливается, что большевистский переворот в октябре 1917 г. захватил генерала Жданова на фронте, где он командовал дивизией. Когда дивизия в феврале 1918 года отходила в тыл, генерал Жданов под Люцином был взят немцами в плен, откуда однако вскоре бежал. В начале мая под Севском его захватила банда Ремнева и его едва не повесили. Перехваченный бандой генерал Жданов был сначала отправлен в Брянск к генералу Сытину, а затем в Калугу в распоряжение генерала Егорьева, который взял его на учет и послал в Оршу командовать отрядом против немцев. 1-го июля генерал Жданов был вызван в город Москву и оставлен при Окружном комиссариате военным руководителем. В этой должности генерал Жданов пробыл до 1 февраля 1919 года. Проболеет три месяца, уклоняясь от посылки на фронт. Окружным комиссаром в Московском округе был Муралов, правивший округом по-диктаторски и не признававший чужого мнения. Фактически все распоряжения по округу отдавал сам Муралов. Генерал же Жданов оставался все время в стороне, не пользуясь ни авторитетом, ни влиянием, хотя и присутствовал при всех докладах начальника штаба. Штаб

как предвидел необходимость принять участие в боевых действиях под Астраханью, от чего хотел уклониться, а для этого подал рапорт об отчислении по болезни. За его пребывание в течение $3\frac{1}{2}$ месяцев в 11 и 12 армиях боев не было. Прибыв в Москву в конце мая, генерал Жданов около двух месяцев не получал никакого назначения. 29-го июля он был командирован в Киев в распоряжение командующего XII армией Семенова, вследствие последовавшего распоряжения нового главнокомандующего Каменева об отправке на фронт всех не занимающих должностей офицеров генерального штаба. По прибытии в Киев 4-го августа генерал Жданов получил назначение на должность инспектора запасных войск, а 13 августа был назначен Начальником 2-й сводной советской дивизии. Прокомандовав фактически два дня, генерал Жданов 17 августа бежал из дивизии при такой обстановке. Находясь с дивизией в районе Бахмач-Нежин и зная о предполагавшемся наступлении Добровольческой Армии, генерал Жданов умышленно поставил свою дивизию в положение невыгодное для боя, и, воспользовавшись обстановкой, с опасностью для жизни своей и жены, бежал из расположения дивизии через патрулей из латышей.

Дававшие по настоящему делу заключение эксперты из офицеров Генерального штаба высказались, что генерал Жданов, хотя и поступил на службу к советской армии добровольно, но, по-видимому, под впечатлением наступления немцев, и хотя он не сочувствовал советской власти, однако принес ей существенную пользу в течение первого года своего пребывания уже одним своим присут-

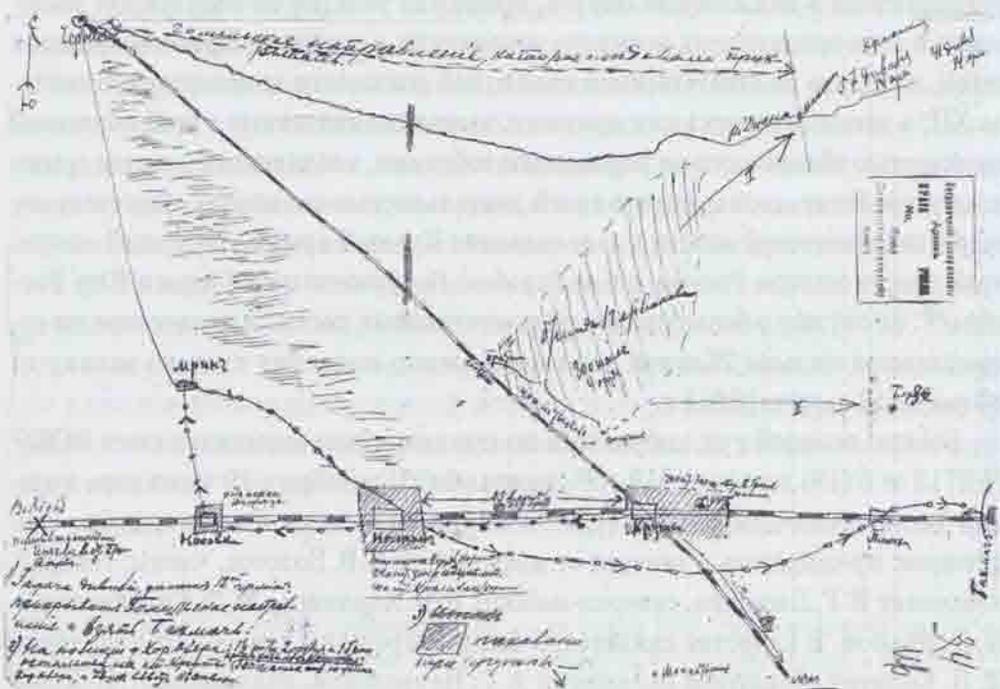

Рис. 2

ствием, являясь авторитетом для младших чинов, как генерал-майор Генерального штаба. Находясь же у советской власти с самого начала способствовал ей создавать армию. Впоследствии, когда генерал Жданов сделался более самостоятельным, употребил все усилия к тому, чтобы принести советской власти наибольший вред, а при первой возможности перешел в Добровольческую армию.

Судебно-следственная комиссия, не усматривая оснований к возбуждению судебного преследования против генерала Жданова, постановила дело о нем прекратить дальнейшим производством»²⁸⁵.

Главный военный прокурор ВСЮР генерал-лейтенант И. А. Ронжин отметил, что, «принимая во внимание, что генерал-майор Жданов, поступив на службу к советской власти в самом почти начале ее создания на занимаемой им ответственной должности военного руководителя принес существенную пользу этой власти, так как принимал участие в организационной работе по созданию Красной армии, а впоследствии назначенный на должность командующего советской армией, составленной из остатков двух армий, также оказал не менее существенное содействие советской власти в деле создания армии, я полагаю, что виновность его по закону от 30 июля с/г является вполне установленной»²⁸⁶, вследствие чего в отношении Жданова должно было быть возбуждено судебное преследование.

Жданов обвинялся в том, что, «поступив на службу к советской власти и состоя с 1 июля 1918 года по февраль 1919 г. на ответственной должности военного руководителя в Московском округе, принимал участие по означенной должности в деле организации военного управления и создания Красной армии, а затем, находясь на ответственной командной должности командующего сначала XII, а затем XI советскими армиями, выполнял связанные с этой последней должностью обязанности по управлению войсками, входившими в состав армии и их устройству, сознавая, что своей деятельностью оказывает существенное содействие советской власти в деле создания Красной армии, служащей опорой этой власти внутри России и в ее борьбе с Вооруженными Силами Юга России»²⁸⁷. За службу у большевиков на ответственных постах и принесение им существенной пользы Жданов подлежал военно-полевому суду по закону от 30 июля (12 августа) 1919 г.

Военно-полевой суд, собранный по приказу главнокомандующего ВСЮР № 2712 от 5 (18) декабря 1919 г.²⁸⁸, заседал 8 (21) декабря с 10 часов утра в здании Таганрогского окружного суда²⁸⁹ в закрытом режиме. Состав суда был следующим: председатель – генерал от инфантерии В. В. Болотов, члены: генерал-лейтенант В. Г. Пащенко, генерал-майоры В. В. Харламов, М. Ф. Гржибовский, И. Д. Иванов. В качестве свидетелей были запрошены генерал от кавалерии П. П. Калитин, Генштаба полковник А. С. Нечволодов, полковник А. И. Домбровский, полковник П. П. Лаппо, капитан гвардии А. Н. Краузе, поручик

С. А. Войтына, инженер П.-Э. Д. Экис и супруга Жданова. Список этих лиц предложил сам подсудимый²⁹⁰.

Жданов на заседании суда заявил: «Я служил у большевиков, будучи мобилизован насильно. Я со своим делом совершенно не знаком и потому прошу суд огласить некоторые показания из моего дела»²⁹¹. Просьба генерала была исполнена. В 13 часов суд завершил утреннее заседание, в 14.10 был зачитан оправдательный приговор Жданову, как вынужденно служившему в РККА и помогавшему белым на командных постах²⁹², а в 14.15 суд завершил свою работу. Не зная о судьбе нашего героя, к начальнику Всероссийского главного штаба 14 ноября 1919 г. обратился его брат (проживал в Москве по адресу: Б. Козихинский переулок, дом 17, кв. 3), который просил сообщить о судьбе бывшего генерала. Брат знал по слухам, что Жданов расстрелян Деникиным и хотел уточнить эти данные²⁹³. В действительности расстрелян он не был, но дальнейшая судьба генерала Жданова по-прежнему остается малоизвестной. Генерал эмигрировал в Болгарию, проживал в городе Белградчике²⁹⁴. По некоторым данным, скончался в 1928 г. в городе Казанлык.

Деятельность бывшего генерала Н. А. Жданова на ответственных постах в РККА вполне характерна для поведения части офицерства в то переломное время. Вполне возможно, что он не был активным белым подпольщиком, доказательства чему приводил, в основном, лишь он сам. Тем не менее, сохранилась масса свидетельств его крайне пассивного и осторожного поведения на высоких должностях в Красной армии. Жданов, очевидно, не стремился принести большую пользу большевикам, всячески уклонялся от активного участия в Гражданской войне и при первой возможности перешел на сторону белых, успешно наступавших осенью 1919 г. на советский центр. Сдавшись белым, Жданов передал им всю оперативную информацию, которой владел. Он не был одинок в подобных действиях. По всей видимости, задним числом он приписал себе заслуги в срыве переброски советских войск и формировании соединений, для чего использовал реально имевшую место неразбериху в армии весной 1919 г. Как бы то ни было, своими действиями он принес пользу белым. Дальнейшее углубленное изучение военно-политической истории Гражданской войны позволит существенно расширить наши представления об истинном поведении представителей советской военной элиты в тот непростой период.

¹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. – М., 1988. С. 208.

на белом Юге, сначала дается принятая там дата по старому стилю, а в скобках – дата по новому стилю.

² Здесь и далее, применительно к событиям ³ 2 сентября нового стиля.

- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 39.
- ⁵ Там же. Л. 29.
- ⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 146.
- ⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.
- ⁸ Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. – М., 2013. С. 226–236.
- ⁹ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives, Stanford University, HIA). Vrangal collection. Box 53. Folder 18. То же см.: ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 40.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 46–47.
- ¹¹ «Гор[од] Нежин я мог защищать так: пустить навстречу броневнику наступающих пустой состав и сделать крушение, а с бригадой перейти в наступление или к обороне, это единств[енная] часть, не поддавшаяся панике, но я этого не сделал, желая без боя сдать. Генер[ал] Жданов» (прим. Жданова).
- ¹² ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 46–46об.
- ¹³ Там же. Л. 150б.
- ¹⁴ Гражданская война на Украине 1918–1920. Т. 2. – К., 1967. С. 321.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 46об.
- ¹⁶ 27 августа нового стиля.
- ¹⁷ Карандашная пометка кого-то из читателей: опросить развед. отделение.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 50–51.
- ¹⁹ 1–3 сентября нового стиля.
- ²⁰ *Крапивянский Николай Григорьевич* (16.12.1889–21.10.1948) – бывший подполковник, командир краснопартизанского отряда.
- ²¹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 34.
- ²² Там же. Л. 57–57об.
- ²³ Там же. Л. 58–59.
- ²⁴ 26 августа нового стиля.
- ²⁵ 30 августа нового стиля.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 3об.
- ²⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 80.
- ²⁸ Послужной список на 01.06.1903 г. (Рос-
сийский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 21. Д. 3228. Л. 59–62об.); послужной список на 01.08.1917 г. и др. документы (РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. П/с 144-084. Л. 1–21об.), наградные листы (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27333. Л. 102–103, 122–201); наградной лист (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27696. Л. 29–29об.); РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27612. Л. 64–65; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). – Пг., 1914. С. 442; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Января 1916 года (С приложением изменений по 1 марта 1916 г.). – Пг., 1916. С. 76; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года (С приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). – Пг. 1917. С. 70; *Волков С.В.* Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. – М., 2009. С. 511.
- ²⁹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ). Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 42об.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 39. Впрочем, в более поздних показаниях белым Жданов отмечал, что был вынужден остаться на своем посту, т. к. солдаты обещали «закопать его в землю, раз нас бросает» (там же. Л. 48).
- ³¹ Позднее Жданов свидетельствовал об этом бое: «Молодой командный состав заставлял меня быть в цепях, ободрять и направлять роты и на месте давать указания молодым командирам рот» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27333. Л. 181).
- ³² Здесь и далее в документе идут отсылки к статьям Георгиевского статута, утвержденного 10 августа 1913 г. – А.Г.
- ³³ В других документах содержатся данные о том, что противник за одну пристрелку выпускал по позициям полка до 1500 снаря-

- дов, причем было задействовано до 100 орудий, которым с русской стороны отвечали 6 легких орудий и 2 гаубицы с весьма ограниченным боезапасом (там же. Л. 131–132об., 162об.). Велись сильные обстрелы и тяжелой артиллерией. По показаниям Жданова, 30 июня обстрел начался в 4.30–4.40 утра, причем «снаряды падали по 16 штук сразу. Отдельных залпов различить не было возможности. Все слилось в общий гул. Облако пыли и дыма окутало Ольшевецкую сопку и наблюдение за происходившим там было невозможно. Телефонная связь была уничтожена и никакие усилия восстановить ее не увенчались успехом. Связь поддерживалась одиночными людьми, но редкий из них доходил до места назначения» (там же. Л. 131об.). В том бою немцы уничтожили первый батальон полка. После артподготовки позиции атаковало не менее дивизии немцев (там же. Л. 133об.).
- ²⁴ Там же. Л. 122об.–123.
- ²⁵ Там же. Л. 102.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27696. Л. 29об.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. П/с 144-084. Л. 20об.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 48.
- ²⁹ Национальный архив Армении (партийный архив) (НАА (ПА)). Ф. 1435. Оп. 3. Д. 20. Л. 57.
- ³⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 467об.–468.
- ³¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 43.
- ³² Литвин М.Р., Науменко К.Е. Збройні сили України першої половини ХХ ст. Генерали і адмірالی. – Львів-Харків, 2007. С. 90.
- ³³ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 212 (сведения предоставлены к. и. н. М.А. Ковальчуком (Киев)). Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. Т. 1. – М., 2012. С. 424.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 52.
- ³⁵ Егорьев В.Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути. Воспоминания о Гражданской войне. – М., 1962. С. 140.
- ³⁶ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 48.
- ³⁷ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 79. Л. 184; Д. 83. Л. 468.
- ³⁸ Егорьев В.Н. Указ. соч. С. 138.
- ³⁹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 19.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 2об.
- ⁴¹ Там же. Л. 48об.
- ⁴² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 107. Л. 46.
- ⁴³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 15.
- ⁴⁴ Смоленским военным руководителем.
- ⁴⁵ Т. е. Высший военный совет.
- ⁴⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 214–219.
- ⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 2.
- ⁴⁸ Там же. Л. 53.
- ⁴⁹ Там же. Л. 44.
- ⁵⁰ Там же. Л. 48.
- ⁵¹ Там же. Л. 2об., 32.
- ⁵² Там же. Л. 52.
- ⁵³ Там же. Л. 53.
- ⁵⁴ Там же. Л. 52об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 48.
- ⁵⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 134. Л. 136.
- ⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 32.
- ⁵⁸ Там же. Л. 37об.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 134. Л. 136.
- ⁶⁰ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 94.
- ⁶¹ Личность не установлена.
- ⁶² ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 52об.
- ⁶³ Там же. Л. 11-11об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 48об.
- ⁶⁵ Там же. Л. 27.
- ⁶⁶ Там же. Л. 37.
- ⁶⁷ Там же. Л. 37об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 32.
- ⁶⁹ Там же. Л. 12.
- ⁷⁰ Там же. Л. 2.
- ⁷¹ Там же. Л. 3.
- ⁷² Там же. Л. 4.
- ⁷³ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 54; Д. 100. Л. 3.
- ⁷⁴ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 80.
- ⁷⁵ Там же. Л. 94.
- ⁷⁶ Свечников М. Борьба Красной армии на Северном Кавказе. Сентябрь 1918 – апрель 1919. – М.–Л., 1926. С. 151.
- ⁷⁷ Г.К. Орджоникидзе телеграфировал

В.И. Ленину 24 января 1919 г. из Владикавказа: «Одиннадцатой армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления. Ночью стоял вопрос – покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Нет снарядов и патронов. Нет денег... 6 месяцев ведем войну, покупаем патроны по 5 рублей... мы все погибнем в неравном бою, но чести своей не опозорим бегством» (НАА (ПА). Ф. 1022. Оп. 8. Д. 333. Л. 3–4; несколько отличающийся вариант см.: Документы по истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. – М., 1941. С. 409; *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. Т. 1. 1910–1926 гг. – М., 1956. С. 66). Представление о состоянии 11-й армии первого формирования дает доклад Заколдаева политотделу Каспийско-Кавказского фронта: «17-го февраля мы выехали из Астрахани. В задачу моей деятельности входило завязать связь со всеми частями и политотделами, где только мне придется быть... нам пришлось увидеть ужасы, которые не подлежат описанию... Картина была такова: сотнями, а иногда и тысячами прибывали больные, измученные, холодные и голодные бойцы отступающей XI армии. Команданты не имели под руками никаких средств, чем могли бы облегчить страдания последних. Не было продуктов, чем можно было бы утолить голод, не было помещения, где можно бы обогреть прикрытое рубищем грязное тело. Не было медицинского персонала и медикаментов, чтобы дать помощь больным. Не было перевязочных средств и мн[о]г[ого] другого. Больные и здоровые, прикрытые и раздетые, холодные и голодные, прошедшие сотни верст сыпучими песками, потерявшие человеческий облик, они лежали друг на друге. Больные заражали здоровых, а потерявшие силу воли умирали. Все они протягивали братски руку, прося помощи. Но их рука оставалась висящей в воздухе, ибо помочь им было нечем. И, кажется, нет

ничего хуже, когда видишь все это и бываешь бессильным и отстраняешь братски протянутую руку. За 5-ть лет кровавой борьбы человечества мне приходилось видеть много ужасов, но все они не сравниваются с этими... за корку хлеба целовали руки, валялись в ногах и плакали» (РГВА. Ф. 108. Оп. 2. Д. 70. Л. 13–14). Подробнее об этом отступлении см.: *Сухоруков В.Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). – М., 1961. ⁸⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 110.

⁸⁹ Приказ РВСР по личному составу армии. 1919. № 169. 12.08.

⁹⁰ Подробнее см.: Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.). Документы и материалы. Кн. 2: Оборона Астрахани и разгром интервентов и белогвардейцев в Астраханском крае (декабрь 1918 – март 1920 гг.). – Астрахань, 1960. С. 92–93, 95; Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. – Волгоград, 1985. С. 179–181; *Колесникова Н.Н.* По дорогам подполья (Из воспоминаний). – Баку, 1973. С. 277–287; *Шляпникова И.А.* Правда об А.Г. Шляпникове // «Вопросы истории» (далее – ВИ), 1988, № 3. С. 88–98; *Ефимов Н.А.* Положить конец измышлениям о Реввоенсовете Каспийско-Кавказского фронта // ВИ, 1988, № 3. С. 99–105; *Кирилина А.* Неизвестный Киров. – СПб.–М., 2001. С. 46–48; *Липицкий С.В.* Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917–1920. – М., 1973. С. 135–137; *Наумов В.П.* Александр Гаврилович Шляпников (страницы политической биографии). – М., 1991. С. 23–26.

⁹¹ *Абросимов М., Жилинский В.* Страницы былого (Из истории Астраханской губернской чрезвычайной комиссии). – Волгоград, 1988. С. 36.

⁹² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 14.

⁹³ *Наумов В.П.* Указ. соч. С. 26.

⁹⁴ *Кондрашов И.Ф.* С.М. Киров – организатор и руководитель Астраханского временного военно-революционного комитета // Исто-

- рические записки. Т. 36. – М., 1951. С. 4; Ефимов Н.А. Положить конец измышлениям о Реввоенсовете Каспийско-Кавказского фронта // ВИ, 1988, № 3. С. 99–105.
- ⁹⁵ Правильно – фронта.
- ⁹⁶ НАА (ПА). Ф. 1021. Оп. 4. Д. 113. Л. 17.
- ⁹⁷ *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. Т. 1. 1910–1926 гг. – М., 1956. С. 83–85, 91–92.
- ⁹⁸ *Траскунов М.Б.* Кавказская Краснознаменная. – Тбилиси, 1961. С. 108. Попытки дочери А.Г. Шляпникова отвести часть обвинений представляются не в полной мере убедительными (*Шляпникова И.А.* Правда об А.Г. Шляпникове // ВИ, 1988, № 3. С. 88–98).
- ⁹⁹ Правильно – Свечникова.
- ¹⁰⁰ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 85. Л. 107.
- ¹⁰¹ См., напр.: *Бутягин Ю.П.* Мироныч в Астрахани // Посланцы партии. Воспоминания. – М., 1967. С. 141; *Траскунов М.Б.* Кавказская Краснознаменная. – Тбилиси, 1961. С. 145.
- ¹⁰² Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). – М., 1969. С. 281–282.
- ¹⁰³ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 18.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 18об.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 19.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 25.
- ¹⁰⁷ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 126–127об.
- ¹⁰⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 177. Л. 2, 4.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 10.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 13, 51–51об.
- ¹¹¹ В 11-й армии Нечволодов занимался формированием новых дивизий через инспектора пехоты армии (РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 571. Л. 5).
- ¹¹² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 177. Л. 59, 61.
- ¹¹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 124. Л. 90.
- ¹¹⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 230. Л. 27–29; Д. 571. Л. 18–20.
- ¹¹⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 151.
- ¹¹⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 165. Л. 18.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 9.
- ¹¹⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 25. Л. 1; Д. 571. Л. 28.
- ¹¹⁹ Формирование 33-й дивизии продолжалось 1 1/2 месяца – с середины марта по конец апреля. Ред. (прим. ред. книги М.С. Свечникова).
- ¹²⁰ *Свечников М.* Борьба Красной армии на Северном Кавказе. Сентябрь 1918 – апрель 1919. – М.–Л., 1926. С. 182.
- ¹²¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.
- ¹²² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 28. Л. 80, 101, 343, 378.
- ¹²³ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 851. Л. 14.
- ¹²⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.
- ¹²⁵ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 33об.
- ¹²⁶ В частности, в приложении к приказу по войскам и флоту 11-й армии было напечатано его сообщение «Значение флангов», в котором он писал простым языком для бойцов: «Если будем атаковать противника во фронт, то в нас будут стрелять (прямо перед собой) все его стрелки и в этом случае в нашу сторону будет пущено много пуль, что, безусловно, даст [у] нас большие потери, а раз будут большие потери, то для того, чтобы сломить врага нам надо посылать в атаку много войск» (РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 851. Л. 1). Также Ждановым составлены работы: «Резерв и его значение», Секретная инструкция для начальников гарнизонов, Программа строевых занятий в пехотных частях 21-дневный курс, 96 часов, Инструкция по обучению красноармейцев младшего срока службы в полевых артиллерийских парках, Программа занятий, обязанности для красноармейца полевой артиллерии младшего срока службы и другие, авторство части инструкций, написанных в том же ключе, неизвестно (там же. Л. 2, 4, 5–5об., 6–9, 10, 10об., 11, 11об.–13).
- ¹²⁷ Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.). Документы и материалы. Кн. 2. С. 200.
- ¹²⁸ Видимо, имеется в виду *Дмитрий Иванович Курский* (10.10.1874–20.12.1932) – народный комиссар юстиции РСФСР, комиссар Полевого штаба РВСР.

- 129 ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 3-3об.
- 130 Там же. Л. 10.
- 131 Там же. Л. 26-26об.
- 132 Подробнее см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева. Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. - М., 2012.
- 133 ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 62.
- 134 Военный. Два месяца на красном фронте // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 г. Вып. 2. - М., 1919. С. 176.
- 135 Там же. С. 189-190.
- 136 Там же. С. 178.
- 137 Там же. С. 181.
- 138 Там же. С. 182.
- 139 Там же.
- 140 Там же. С. 183.
- 141 Там же. С. 186-187.
- 142 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 442.
- 143 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 33. Л. 6об.
- 144 Там же. Л. 4об.
- 145 Там же. Л. 2об.
- 146 ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 48об.
- 147 Там же. Л. 49.
- 148 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 131. Л. 13.
- 149 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 3об.
- 150 Там же. Л. 4об.
- 151 Там же.
- 152 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 87. Л. 7.
- 153 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 78.
- 154 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 5.
- 155 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 21.
- 156 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 87. Л. 7-7об.
- 157 Там же. Л. 7об.
- 158 Там же. Л. 9.
- 159 ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 55-55об.
- 160 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 6об.
- 161 ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 32об.
- 162 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 384. Л. 83об.
- 163 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 4.
- 164 Там же. Л. 12.
- 165 Там же. Л. 39.
- 166 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 384. Л. 84.
- 167 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 38об.
- 168 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.
- 169 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 131. Л. 24.
- 170 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 11.
- 171 Там же.
- 172 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 7.
- 173 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.
- 174 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 5.
- 175 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 8.
- 176 Там же. Л. 8об.
- 177 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 7-7об. Также см.: РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 7. В советское время документ публиковался в искаженном виде, см.: Ленинский сборник. Т. 34. - М., 1942. С. 127-128.
- 178 Ленин В.И. Военная переписка 1917-1922 гг. - М., 1987. С. 134.
- 179 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 9об.
- 180 Там же. Л. 8об.; Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 29.
- 181 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.
- 182 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 21.
- 183 Там же.
- 184 Там же. Л. 21об.
- 185 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 9.
- 186 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 112.
- 187 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 25-25об.
- 188 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 69.
- 189 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 9.
- 190 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 77.
- 191 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 82, 88.
- 192 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 77.
- 193 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 42.
- 194 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 79.
- 195 Там же. Л. 34.
- 196 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 178.
- 197 Там же. Л. 179.
- 198 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 85. Л. 26.
- 199 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 22; Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 26.
- 200 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 70.
- 201 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 37.
- 202 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 129. Л. 4.
- 203 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 70.
- 204 Там же.
- 205 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 384. Л. 51об.
- 206 Там же. Л. 85.
- 207 Там же. Л. 36об.

- 208 Там же. Л. 96.
- 209 Там же. Л. 93.
- 210 Там же. Л. 94.
- 211 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 9об.
- 212 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 73-76.
- 213 Подробнее см.: Ганин А.В. Незаменимый коррупционер. Страницы биографии главного военного железнодорожника Советской России // «Родина», 2012, № 3. С. 110-116.
- 214 Обозначение должности начальника военных сообщений армии.
- 215 Обозначение должности начальника военных сообщений республики.
- 216 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 384. Л. 69-73.
- 217 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 30.
- 218 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 129. Л. 6.
- 219 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 237. Л. 111.
- 220 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 41.
- 221 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 52.
- 222 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 46.
- 223 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 139.
- 224 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 10об.; Д. 129. Л. 1; Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 54.
- 225 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 46.
- 226 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 10об.
- 227 Там же. Л. 11об.
- 228 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 80.
- 229 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 53-53об.
- 230 Там же. Л. 53; Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 11об.
- 231 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 12.
- 232 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 112-113. Это же подтверждается в показаниях Жданова, который отмечал, что оставил лучший и самый полный Железный полк, а также шесть рот из 1-й бригады (ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 33).
- 233 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 59-59об.
- 234 Там же. Л. 59об.
- 235 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 12об.; Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 118.
- 236 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 13об.
- 237 Директивы главного командования Красной армии (1917-1920). - М., 1969. С. 420.
- 238 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 169.
- 239 Там же. Л. 170.
- 240 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 13; Д. 118. Л. 84.
- 241 ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 32об.
- 242 Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 2. Март 1919 - февраль 1920. - М., 1961. С. 398.
- 243 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 102.
- 244 Там же. Л. 96.
- 245 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 87, 103, 105, 108, 120.
- 246 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 14об.; Д. 387. Л. 175.
- 247 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 104; Д. 437. Л. 466.
- 248 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 14.
- 249 Там же. Л. 16.
- 250 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 176.
- 251 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 133.
- 252 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 153.
- 253 Там же. Л. 159.
- 254 Там же. Л. 168.
- 255 ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 33, 49об.
- 256 Военный. Указ. соч. С. 176-177.
- 257 РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 87. Л. 9-9об.
- 258 ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 33об.
- 259 Там же. Л. 62.
- 260 Военный. Указ. соч. С. 187.
- 261 ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 42.
- 262 Там же. Л. 45об. При освидетельствовании среди прочего были обнаружены следы сквозного пулевого ранения на левом бедре.
- 263 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 16об.
- 264 ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 43.
- 265 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 112.
- 266 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 17.
- 267 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 129. Л. 67.
- 268 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 18об.; Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918-1919. Сб. док. - М., 1997. С. 244; Астраханский фронт Гражданской войны и С.М. Киров. Сб. док. - Сталинград, 1937. С. 165-166.
- 269 Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917-1920 гг.). Документы и мате-

- риалы. Кн. 2. С. 235.
- ²⁷⁰ The Trotsky papers 1917–1922 / Edited and annotated by J. M. Meijer. Vol. 1. 1917–1919. – L. – Hague-P., 1964. P. 536.
- ²⁷¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 561. Л. 1, 3об.
- ²⁷² РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 238–241.
- ²⁷³ Подробнее о деле Полевого штаба РВСР см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. – М., 2013. С. 60–64, 190–192, 397–409, 612–634, 789–806.
- ²⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 33об.
- ²⁷⁵ Подробнее см.: Лацис (Судрабс) М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. – М., 1920. С. 28–30.
- ²⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 58об.
- ²⁷⁷ РГВА. Ф. 54 Оп. 17. Д. 386. Л. 67.
- ²⁷⁸ Приказ РВСР по личному составу армии. 1919. № 177. 14.08.
- ²⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 50.
- ²⁸⁰ Там же.
- ²⁸¹ РГВА. Ф. 54 Оп. 17. Д. 386. Л. 67.
- ²⁸² ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 52.
- ²⁸³ Там же. Л. 20–21.
- ²⁸⁴ Там же. Л. 18.
- ²⁸⁵ Там же. Л. 1–1об., 17.
- ²⁸⁶ Там же. Л. 17.
- ²⁸⁷ Там же. Л. 17–17об.
- ²⁸⁸ Там же. Л. 16.
- ²⁸⁹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 131.
- ²⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 6–6об.
- ²⁹¹ Там же. Л. 2.
- ²⁹² Там же. Л. 4.
- ²⁹³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 138.
- ²⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5928. Оп. 1. Д. 14. Л. 33, 59.

